

Елена Никитина

Чего хотят вампирьы

Если я чего решил...

Елена В. Никитина
Чего хотят вампиры
Серия «Вампиры здесь тихие», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8741111
Чего хотят вампиры: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1886-2

Аннотация

Айдара – мир, которым правят вампиры, народ кровожадный, злопамятный и очень-очень мстительный. Закон подлости и на этот раз сработал на все сто: мы попали именно сюда. Мы – это я, Светлана Назарова, уже не человек, но еще и не вампир; мой муж-ученый Вадим, чьи жестокие опыты и послужили началом всех наших злоключений; и бездыханное тело клыкастого аристократа из клана Зварру, которому, наверное, просто не повезло.

Что теперь ждет нас в этом враждебном мире? Конечно же смерть! Ведь у вампиров Айдары накопились к моему ученому мужу бо-ольшие счеты. Но тут в нашу и так незавидную судьбу решают вмешаться местные боги, а у них своя игра, свои правила, свои интересы...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Никитина

Чего хотят вампиры

Часть первая

Человек для вампира друг, товарищ и корм

А мы точно выживем после вашего гостеприимства?

Е. Н.

– От-крой-те! Ау! На-род! Люди-и-и... Тьфу ты! То есть вампиры-ы-ы!

Многострадальная пятка, не в первый раз за прошедшие сутки отбивающая позывные в такт моим воплям, уже болела немилосердно. Я решила, что данная часть тела мне еще вполне может пригодиться в не слишком радостном и откровенно сомнительном будущем, поэтому стучать ногой в дверь, явно рассчитанную и на более серьезные физические воздействия, перестала. А вот надеяться, что меня рано или поздно все-таки услышат, – пока нет.

– Есть кто-нибудь живой?! Или не очень живой? Ну или совсем не живой? Откройте же! У, упыри проклятые!

Последнюю фразу я произнесла гораздо тише, она была всего лишь мыслью вслух, а не очередным лозунгом протеста. Хотя эти проклятушки вампиры со своим обостренным слухом вполне могли ее и услышать. Если б захотели, конечно. Но они почему-то не стремились к общению со своей иномирной... гостьей. Правда, если учесть, что меня без каких бы то ни было объяснений бесовски заперли в этой богато обставленной комнате, я являлась скорее не гостьей, а пленницей. Меня не только выпускать, но и посещать до сих пор никто не торопился. А я, между прочим, живое существо и есть хочу! И святым духом питаться пока не научилась.

Я обессиленно прислонилась спиной к несговорчивой двери, еще раз в сердцах хорошенечко ее пнув, и медленно обвела свое вынужденное жилище раздраженным взглядом. Да, не пожалели кровопийцы капиталовложений на интерьерчик местного аналога тюрьмы. Огромная кровать в стиле, очень близком к нашему земному барокко, занимала специально отведенную для нее нишу. Впрочем, и вся остальная мебель была выдержана в этом же стиле. Слева, в углу – такой же кричаще вычурный туалетный столик на резных изогнутых ножках, но, как это ни прискорбно, без зеркала. Необъятных размеров шкаф, недра которого можно было смело сравнить с малогабаритной квартирой моего родного мира, занимал почти всю стену с другой стороны кровати.

Богатый бар своим изысканным изобилием порадовал бы душу любого ценителя вин, а неприятельного алкоголика и вовсе привел бы в полный восторг. Но я осталась к столь щедрому разнообразию равнодушной. Вообще-то сначала я чуть не грохнулась в обморок, обнаружив такое огромное количество бутылок с красным содержимым, так как подумала, что это человеческая кровь, припасенная на случай войны. Но потом вспомнила, что вампиры терпеть не могут полуфабрикаты, и немного успокоилась. Чтобы не мучиться страшными сомнениями, я даже откупила одну особо приглянувшуюся бутылку в форме... мм, не очень приличной форме. Насыщенный цветочный букет, в котором еле-еле можно было уловить запах спиртного, заставил меня удовлетворенно хмыкнуть. В нашем мире подобное вино можно приобрести только в новомодных бутиках и за пятизначную сумму. Однако меня в данный момент гораздо больше устраивал графин с обычной водой, как-то не к месту оказавшийся среди разномастной элитной стеклотары. Правда, если обо мне так и не удосужатся вспомнить, наверное, придется топить свое оголодавшее и одичавшее горе в вине –

хоть сомнительные, а калории. Пока что я старалась не терять надежды на свое скорое освобождение, да и пить на голодный желудок и в гордом одиночестве как-то не привыкла.

Я снова огляделась. Пушистый бежевый ковер на полу, тяжелые темно-коричневые гардины на единственном высоком и узком окне... Многочисленные пуфики и креслица самых причудливых форм и расцветок несколько разбавляли серьезность и помпезность обстановки.

Но что мне тут действительно понравилось – это большой камин. Всегда любила огонь. Он проясняет мысли, очищает ум и вообще создает ощущение покоя и сосредоточенности. Вот только насладиться его теплом и уютом мне было не суждено. Никаких приспособлений для розжига нерадивые хозяева оставить не удосужились, поэтому радость моя была недолгой. Хорошо еще на улице довольно тепло, не замерзну без отопления.

Ванная комната и туалет тоже оказались в «номере», что не могло не радовать. Сама ванна по размерам напоминала мини-бассейн (в данный момент, правда, без воды, но система была до банальности проста, и разобраться в ней не составило труда), а вот унитаз, который, кстати, оказался позолоченным, порадовал своим максимально близким сходством с привычным земным.

Собственно, все это я сумела как следует рассмотреть только утром, на рассвете. В темноте ночи, когда меня сюда привели и бросили, я передвигалась практически на ощупь. Вампиры, может быть, и прекрасно видят в темноте, но во мне это так необходимое в данный момент качество не торопилось пробуждаться.

С тех пор как наша «святая» троица, состоящая из меня, моего мужа Вадима и погибшего в шаге от родного дома Стефианира, прошла через пространственные Врата и оказалась в мире вампиров, минуло уже больше суток. Местные клыкастые стражи порядка, оказавшиеся на удивление быстро в точке несанкционированного проникновения чужаков, молча и угрюмо отконвоировали нас с мужем в этот мрачный замок. А затем, игнорируя излишне громкие возмущения (особенно Вадим старался), развели нас по разным комнатам, где надежно закрыли и... кажется, забыли.

С одной стороны, то, что кровожадные аборигены не торопятся чтить меня своим вниманием, радовало, потому что внимание истинных вампиров вполне может оказаться чисто гастрономическим. А с другой – я тоже жрать хочу!!! Или тут гостеприимство не в чести, а пропитание каждый добывает себе как умеет? Добудешь тут, как же, если в этом богом забытом замке даже мухи не водятся.

Куда дели моего горе-ученого и что с ним стало в этом рассаднике кровожадных упырей, думать было сначала страшно, потом противно, потом опять страшно. Я упорно гнала из головы все дурные мысли и запрещала себе даже мельком думать о тех ужасах, которые способны воплотить в жизнь «добрые» клыкастые хозяева. Для вампиров люди – по большей части всего лишь еда, или шээри, как они нас называют. Поэтому моим благоверным могли уже и закусить. А если учесть, что мы притащили из недр другого, враждебного мира бездыханный труп их соплеменника, то участь наша вообще может оказаться незавидной, а может, и уже стала таковой для некоторых слишком эксцентричных особ с ученой степенью и неуравновешенной психикой.

Зачем нас разделили и с какой целью оставили мариноваться каждого в собственном соку без права на любую информацию друг о друге, можно лишь догадываться.

Стефианир Кронест, истинный вампир рода Исскуронов, пятнадцатая династия Трея, клан Зварру... Надо же, запомнила. Только вряд ли он теперь сможет порадоваться уникальным способностям моей памяти. Разве что с небес... или куда там уносятся души умерших вампиров? При воспоминании об этом упрямом и по-своему благородном вампире мне стало грустно. Мы знакомы всего пару недель, он на моих глазах убил двух человек, еще с десятков покусал без моего ведома, а мне его все равно жаль. Жаль до слез и ноющей боли в груди,

словно я потеряла кого-то очень дорогого и близкого. Чем дорогого и близкого – разбираться совершенно не хотелось, да и ни к чему это. Наразбираю, не дай бог, чего лишнего, потом страдай до конца жизни.

Я отошла к единственному окну и с тоской уставилась на плещущиеся у стен замка волны темноводного озера. Хорошо плавающий человек с легкостью преодолет те двести метров, что разделяют замок и противоположный берег. Казалось бы, чего проще – прыгнуть в воду с высоты третьего этажа, оттолкнуться от склизких каменных стен и, перевернувшись на спину, плыть себе навстречу свободе. Но, во-первых, тот самый пресловутый противоположный берег имеет вид отвесных неприступных скал, чем-то напоминающих карельские каньоны и, кроме тоски, никаких положительных чувств у меня не вызывающих. Пробовать себя на совершенно новом поприще начинающего альпиниста – чистой воды самоубийство, а какого-либо более пологого берега из моего окна не наблюдается. Во-вторых, зачем и куда бежать? Где гарантия, что даже если мне каким-то сомнительным чудом и удастся «покорить Эверест» (предположение чисто гипотетическое), то первым попавшимся существом на том берегу будет именно человек, так и ждущий, как бы проявить свое нерастратченное чувство взаимопомощи, а не вампир в первый день после великого поста? И в-третьих, добраться до неприступных скал живым тоже суметь надо. Почему? Да потому что в озере водятся рыбки. Хорошие такие рыбки, внушительные, чем-то на наших акул смахивающие. Или на огромных пираний. Они многочисленной толпой кружат под окном, зубами-лезвиями клещают. На вид противные, черные, плавники, словно крылья, в разные стороны торчат и тоже с шипами какими-то. Ядовитыми или нет, проверять на собственном опыте пока не тянет. Но клыкастые аборигены молодцы, ничего не скажешь, охрану себе под стать подобрали. Да я в это озеро под страхом смертной казни не полезу, пусть лучше вампиры сами меня съедят.

«Рыбки», докумекав, что еда к ним в пасти падать не торопится, предприняли несколько попыток достать лакомство сами, но потерпели неудачу (высоко все-таки, а они же рыбы!) и перешли к тактике обиженного выжидания. Я на всякий случай далеко высываться из окна больше не стала.

Монотонные серые облака, непроглядной пеленой растянувшиеся по всему небосклону, делали и без того нерадостный пейзаж совсем уж удручающим. Лишь изредка сквозь еле заметные прорехи проскальзывали одинокие рассеянные лучи солнца (или что тут у них вместо него?), отчего вода в озере казалась еще темнее и, я бы даже сказала, гуще. Как нефть.

– Можно войти? – прервал мои невеселые размышления на удивление вежливый стук в дверь.

Притупленное вынужденным одиночеством сознание не сразу адекватно среагировало на посторонний звук. Оно просто его проигнорировало как галлюциногенный. По моим логическим представлениям, в тюрьму входят без разрешения, и хорошо если ударом ноги не распахивают дверь камеры, при этом гостеприимно скалясь в лицо узнику дулом заряженного пистолета (или какое там у вампиров оружие в ходу).

– Не слышу ответа, – более настойчиво спросила дверь, завладев-таки моим вниманием. Я недоуменно повернулась к источнику звука. Неужели не показалось? Половой принадлежности обладателя голоса установить вот так сразу у меня не получилось. Он мог быть как низким, с хрипотцой, женским, так и довольно своеобразным мужским. Но кто бы ни стоял сейчас по другую сторону «баррикады», я его не знаю. А раз не знаю, значит – вампир. А раз вампир... Может, лучше сразу в окно выпрыгнуть? Там, в толще воды, такие внушительные рыбки (если это не что-нибудь похуже) плавают. Надеюсь, они оценят по достоинству скромное пятидесятидвухкилограммовое подаяние. В общем, запаниковала я основательно. За что боролась, как говорится, на то и напоролась.

– Так можно или нет?!

– А если я скажу «нет», ты уйдешь? – осторожно осведомилась я, делая несколько шагов по направлению к двери, но тем не менее оставляя себе место для маневра. Какой может быть маневр против вампира, не знаю, но вдруг нужно будет.

– Вот еще! – Широко распахнув дверь в мое шикарное до приторности узилище, с ворчливым приветствием: «Как же утомительно быть вежливой», в комнату вошла...

Я застыла с неэстетично открытым ртом. А кого я еще ожидала увидеть? Принца на белом коне? Морозко? Бэтмена? Чипа и Дейла, спешащих на помощь? Мужа на худой конец? Нет, конечно, где-то в глубине души я очень надеялась на бескорыстную подмогу и вселенскую справедливость, но жизнь в очередной раз показала, насколько глупо верить в сказки. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Передо мной стояла самая настоящая (я бы даже сказала – истинная) Женщина-Вамп. Да, да, именно с большой буквы и во всех смыслах сразу. Идеальная златокудрая блондинка с умопомрачительной фигурой, которую подчеркивало длинное черное облегающее платье. Волосы струящимся водопадом спадают по спине до талии, фарфоровая кожа словно подсвечена изнутри, настолько тонкой и прозрачной она кажется на первый взгляд. Я даже выступающие клыки не сразу заметила. Длинные тонкие пальцы нервно крутят массивный перстень на среднем пальце правой руки. И только глаза, темные, с багровыми отблесками в глубине, рассматривают меня надменно, презрительно и... с плохо скрываемым жадным любопытством.

Это был самый первый вампир, которого я имела честь (или несчастье?) нормально лицезреть при свете дня в этом негостеприимном мире. Бедный Стефианир и мертвая Стадия не в счет, у нас на Земле их изрядно потрепали жизнь и вынужденное безумие, поэтому судить по этим двум бедолагам обо всей остальной расе было как-то неправильно. Вот появился шанс исправить это досадное недоразумение. Надо ли говорить, что я взидала на яркую незнакомку не менее жадно, чем она на меня.

Клыкастой блондинке довольно быстро наскучил мой анфас, и она решила посмотреть, чем может порадовать обратная сторона «медали». По широкой дуге, словно акула вокруг дайвера, вампирша принялась медленно и осторожно совершать обход, при этом зорко наблюдая за моей реакцией. Чего уж она от меня ожидала, не знаю, однако с места я не двинулась, но и выпускать из поля зрения столь опасную хищницу не собиралась. Вдруг со спины накинется?

Когда подошел к завершению третий круг почета, я все-таки не выдержала:

– Голова не закружилась?

Фамильярничать с подозрительно молчаливой особой мне не хотелось. Она же разглядывает меня со всех сторон без всякого стеснения, значит, и мне полагается немного позубоскалить. Нечего меня тут нервировать и голодом морить.

– Так вот ты какая, новая алаканта... – низким, с хрипотцой голосом задумчиво произнесла вампирша, не обратив внимания на мою далекую от вежливой реплику.

– А вот навешивать на меня лишних обязанностей не надо, – встала в позу я и для пущей убедительности уперла руки в бока. Пусть не думает, что к безвольной овечке, покорно ожидающей разрешения своей участи, в стойло попала. – Исполняла обязанности – да, не отрицаю, но, скорее, по принуждению и в силу сложившихся обстоятельств, чем по собственному желанию. Экспресс-курс по перемещению между мирами мне никто не преподавал, поэтому со своими претензиями обращайтесь... – тут я запнулась, потому что не могла придумать никакой более-менее вразумительной вампирской инстанции и брякнула первое пришедшее в голову: – В общем, ты дверью ошиблась. Все, прием окончен.

Клыкастая красавица повела себя как истинная блондинка – удалила из глаз все маломальски разумные мысли и недоуменно захлопала накрашенными ресницами. А нечего меня

в собственном соку мариновать. Еще немного – и я сама начну на все живое с голодным воем бросаться.

Но надо отдать вампирше должное, справилась она с собой довольно быстро. Нет, говорить ничего не стала, лишь еле уловимым движением перетекла вплотную ко мне и, приподняв двумя пальцами мое лицо за подбородок, принялась внимательно разглядывать меня со всех сторон. Пусть разглядывает, лишь бы шею не свернула.

Я же осторожно принимаюсь. Не пахнет, зараза такая. Даже запаха духов, шампуня или геля для душа, без чего не обходится ни одна уважающая себя женщина, не чувствуется. Мне это жутко не понравилось. По моему представлению, пахнуть должно все. Не важно как и чем, но должно. А я мало того что чувствую все гораздо острее обычных людей, так еще и умею отличать так называемый «индивидуальный» запах, обычно тщательно скрываемый за всяким парфюмом. А когда что-то и уж тем более кто-то вообще не пахнет, для меня это все равно, что солнце на западе встанет, – дико, непривычно и паранормально.

Кстати, о солнце... За свое краткое пребывание в этом рассаднике вампиров я его еще ни разу не видела. Небо сплошь затянуто пеленой серых монотонных облаков, и никакого намека на улучшение погоды, а несколько слабых лучиков, на пару секунд пробившихся сквозь эту мрачную небесную толщу, не в счет. Интересно, у них тут всегда так или бывают прояснения? Правда, если учесть, что вампиры не выносят прямых лучей дневного светила, можно догадаться, с какой тщательностью они выбирают погодные условия своего постоянного места жительства.

Я так глубоко ушла в свои мысли, что не сразу заметила, как подлая вампирша, воспользовавшись моим излишне задумчивым положением (не ею ли навеянным, кстати?), примеряется к беззащитной иномирной шейке. Вот змея подколотная!

– Эй, а у тебя разрешение есть? – хрипло выдавила я из себя, пытаюсь вывернуться из цепких пальцев и не оставить в них свою оторванную в неравном бою челюсть.

– Какое разрешение? – не сразу поняла мой освободительный маневр клыкастая блондинка, но уже изрядно помятый подбородок нехотя выпустила. Ага, сработало!

– На санкционированный глоток моей чудодейственной крови, – принялась я выдумывать на ходу.

Мной уже подмечено, что вампиры сильно теряются от нестандартных вопросов и действий, и это даже как-то раз спасло мою несчастную жизнь. Будем действовать в том же духе, авось и тут прокатит. – Несанкционированный – карается смертью! – кровожадно добавила я для усиления эффекта. Надеюсь, не переборщила.

– Вот как? – удивленно воззрилась на меня сбитая с толку дамочка. – И где можно получить такое разрешение?

– Раз не знаешь, значит, тебе не положено, – довольная своим умом и сообразительностью, пожала плечами я. – И вообще, ходят тут всякие, а я потом от потери крови страдай.

– С чего ты взяла, что я тебя кусать собиралась? – довольно натурально удивилась блондинка, явно пытаясь меня перехитрить, но я была настороже:

– Можно подумать, в мою шею ты носом тыкалась для идентификации запаха.

– Естественно, – клятвенно и вполне искренне уверили меня. – По запаху можно определить очень многое, вплоть до мыслей.

– Да? – Теперь пришла моя очередь удивляться. – А почему же тогда вампиры ничем не пахнут?

Волнующий меня вопрос сам сорвался с языка, но прикусывать несдержанный орган было уже поздно.

Вампирша снова закрутила кольцо на пальце и смерила меня задумчивым взглядом.

– А ты не так проста, как кажешься, хоть и осталось в тебе много чего *человеческого*. – При последнем слове она презрительно скривилась, словно кислятину проглотила.

– Человек – это звучит гордо, – высокомерно парировала я, выпячивая вперед грудь. Своим размером она, конечно, с вампириной не сравнится, но уж что есть, то есть. Не минус первый – и на том спасибо.

– Звучит, может, и гордо. – Наглая блондинка прикусила клыком идеально подведенную губу и подозрительно пискляво закончила: – Но вот выглядит как-то не очень впечатляюще.

Мое возмущение столь откровенным издевательством резко подскочило и погребло под собой жалкие остатки инстинкта самосохранения. Что эти сорняки эволюции себе позволяют?! Думают, отрастили кусачки – и все можно?! Ага, щаз! Так я и позволю этой заносчивой выскочке с античеловеческим аппетитом прививать мне комплексы неполноценности! Не дождется! И потом – мое чувство собственного достоинства гораздо важнее пары литров дурной крови, если таковой придется пожертвовать в этой неравной схватке.

– Знаешь, дорогуша, – мне было чрезвычайно сложно не шипеть от злости, но чего не сделаешь, дабы не упасть лицом в грязь, – умная женщина никогда не будет кичиться своими двумя высшими образованиями, – я непочтительно ткнула пальцем сначала в левый, потом в правый предмет нашего спора на теле вампириши, – которые вызывают у мужчин восхищение только на очень примитивном уровне. Хотя тебе это простительно, у блондинок обычно слишком мало других достоинств, а у тебя их аж целых два.

– А тебе, как я погляжу, даже с этим не повезло! – зло клацнула клыками у меня перед носом белобрысая упырица.

Вот зараза упрямая! За словом в карман не лезет. Ну ничего, мы тоже не лыком шиты.

– Зато мне повезло в другом, а это гораздо важнее.

– Это в чем же? – Тоненькая бровь скептически взметнулась вверх. Вампириша снова двинулась в непродолжительный тур вокруг меня, несовершенной, выискивая на теле исполняющей обязанности алаканты места, за которые можно было бы зацепиться взглядом.

– Тебе не понять, потому что это к высшим телесным образованиям не относится.

– Глядя на тебя, можно с уверенностью сказать, что у тебя вообще нет никакого образования, а это нельзя назвать «повезло», – высокомерно фыркнула вампириша и, завершив круг почета, демонстративно отвернулась, усиленно делая вид, что я не стою даже грамма ее драгоценного внимания и что закорючистая лепнина на потолке намного интереснее. Чего тогда пришла? Непонятно. Можно подумать, до меня гипсовыми финтифлюшками любоваться было некогда. Или их только перед моим прибытием повесили?

– М-да, как сказал Фонтенель, нет ничего печальнее жизни женщины, которая умеет быть только красивой, – вкрадчиво заметила я.

Блондинка скосила на меня темные очи и уже открыла рот, чтобы достойно ответить, но так и замерла с некрасиво отвисшей челюстью и глупо хлопающими ресницами. Сказать ей было нечего. Отлично, уже два-ноль в мою пользу. Как же все-таки легко сбить вампира с толку. И как же приятно наблюдать за выражением крайней растерянности на его лице. Удивительно, раньше я за собой такого злорадства не замечала. Вот что вынужденные обстоятельства с людьми делают.

Но никакая сцена не может длиться вечно, если только она не запечатлена в мраморе. Вампириша, с трудом переварив полученную информацию, перестала изображать памятник самой себе и постаралась сделать хорошую мину при плохой игре.

– Зато красота всегда в цене, – заметила она и надменно улыбнулась, гордая своей находчивостью. Неугомонная какая!

– Только до тех пор, пока эта красота молчит, – не осталась в долгу я. – Встречают обычно по одежке, а провожают-то по уму, – и постучала себя пальцем по лбу, чтобы некоторые не подумали чего-нибудь не то.

– Можно и без одежды встретить, тогда и наличие ума необязательно. – Вредная блондинка решила мне ни за что не уступать и встала в позу, уперев руки в бока. При этом она как-то подзабыла, что является истинным вампиром и вполне может воспользоваться своим «фирменным» оружием, то есть гипнозом. Сейчас она походила на простую, основательно разозленную женщину. И расовая принадлежность не играла тут существенной роли.

Я, тоже изрядно задетая за живое, решила от вампириши не отставать и выдала на одном дыхании:

– Можно, конечно, и без одежды, не спорю. Только немая красавица будет вызывать гораздо больше жалости, чем красивая дурочка – восхищения.

– Ах ты... – Глаза моей спарринг-партнерши явственно налились кровью, но я сейчас и сама готова была вцепиться в нее не хуже голодной собаки в сахарную косточку (как в прямом, так и в переносном смысле). Пусть только попробует на меня клыки наточить.

– А сама-то...

– На себя посмотри...

– Да я тебя...

– Только попробуй...

– Да что тут пробовать-то...

Чем бы закончился наш чисто женский, пока еще словесный, поединок, одному богу известно, но его бессовестно прервали. Причем прервали в тот самый момент, когда разумных доводов у оппонентов уже не хватало, и две пары глаз начали лихорадочно выискивать в пределах досягаемости что потяжелее. Для усиления аргументации, так сказать.

– Что за шум, а драки нету? – раздался со стороны двери зычный бас, от которого мы с вампиршей дружно захлопнули рты и на удивление слаженно повернулись к досадному источнику помехи.

О, старый знакомый! Хотя, конечно, в темноте ночи при нашем славном появлении в этом мире вампира, «встретившего» нас, рассмотреть мне не удалось, поэтому не уверена, что нас сейчас почтил визитом именно тот страж порядка, а вот посох я точно узнала. Запоминающаяся вещица с невероятно красивым, словно подсвеченным изнутри изумрудным навершием, обрамленным тонкими лепестками из какого-то неизвестного мне угольно-черного металла и таким же выющимся по всей длине посоха плющом. Оригинальная чеканка (или что это такое?) со вкусом выполнена. Может, конечно, сей атрибут передается из рук в руки, по принципу «смену сдал – смену принял», но хотелось надеяться, что нынешний обладатель посоха настроен более серьезно в плане решения моих затворнических проблем, в том числе и с едой. Пустопорожних зубоскалов мне уже хватило.

Зашедший «на огонек» вампир, высокий, с коротко стриженной темной шевелюрой, лет сорока пяти на вид, смерил нашу растрепанную компанию ничего не понимающим взглядом, огляделся по сторонам и, не найдя разумного объяснения произошедшего, вновь обратился к виновникам переполоха, к нам то есть:

– Так что вы не поделили, дэрэлы? Вас слышно на другом конце замка.

Ха! Значит, мои позывные в виде выбивания двери и крики о помощи никто не посчитал нужным услышать, а тут небольшое выяснение отношений – и на тебе, пожалуйста, – уже вся общественность в курсе женского междусобойчика! А ведь мы даже голос толком не повышали!

– Мы... э... да так... ничего особенного, – неуклюже принялась выкручиваться блондинка, при этом стараясь незаметно спрятаться от пронизательных глаз местного стража порядка за моей спиной. И эта туда же!

Но малодушное поведение вампириши помимо досады дало мне еще кое-какую полезную информацию. Получается, товарищ с посохом – далеко не последнее лицо в данном королевстве, раз некоторые перед ним так трепещут и двух слов связать не могут.

– Я жду ответа! Что вы не поделили?

Ох, ох, ох! Какие мы грозные.

– Грудь, – со всей возможной серьезностью ответила я.

Не знаю, что у клыкастых аборигенов считается приличным, а что – нет, но мне точно терять нечего. Поэтому имею полное право быть предельно честной.

– Чью? – опешил от столь неожиданной откровенности страж, вмиг подрастеряв всю свою суровость. Бедняга даже посох чуть не выронил, однако успел на него вовремя опереться и не ударить лицом в грязь перед дамами.

– Ее. – Мой палец непочтительно указал на сопящую позади меня блондинку.

– А чего это сразу мою? – не захотела та быть крайней. Причем больше из чувства противоречия, чем по необходимости. – Все с твоей началось!

– Это еще с какой стороны посмотреть, – многозначительно фыркнула я и снова обратилась к впавшему в ступор мужчине: – А что за звери такие «дэрэлы»?

Надо же знать, с кем тебя только что сравнили, и стоит ли воспринимать данное обращение как оскорбление или же все-таки как комплимент.

– А? Что? – не сразу наладил связь с реальностью грозный вампир, не без труда отрывая рассеянный взгляд от «наглядного пособия» в глубоком декольте блондинки. Кажется, животрепещущая тема вызвала кучу эмоций не только со стороны женской части нашего теперь уже трио. Разница состоит только в том, что мы с вампиршей эти самые эмоции выплескивали наружу, привлекая тем самым повышенное внимание окружающих, а вот клыкастый мэн капитально ушел в себя.

– Дэрэла, недоучка ты чужеродная, – это максимально вежливое обращение к женщине, – взяла на себя функции переводчика белокурая язва и, скорчив максимально брезгливую физиономию, добавила: – Только не пойму, какое к тебе это имеет отношение?

Как же быстро она поменяла свое мнение насчет меня. Сначала любопытство, потом недоумение, а теперь я вообще бяка бячная. Интересно, вампиры все такие непостоянные или это мне опять так несказанно «повезло»? Собственно, чего удивляться? Сама себе яму вырыла и заслужила репутацию взбалмошной иномирянки. Хорошо еще, если меня тут за больную не держат, а то двухдневное затворничество уж больно на карантин смахивает.

– Глафирена, не забывайся! – неожиданно отмер ценитель женских прелестей и даже пристукнул по полу посохом, чтобы на него уж точно обратили внимание.

Мы, конечно, обратили. Каждая по-своему. Вампирша скромно потупилась и прикусила язык, а я начала давиться смехом. Потом посмотрела на притихшую блондинку и не выдержала – захохотала в полный голос. Это же надо так – опасного в своей красоте и смертоносности хищника назвать Глафиреной... Глафирой... Глашкой! Ой не могу! Вампир Глашка! У моего соседа по лестничной клетке, когда я еще в школе училась, так хомяка звали. Причем хомяк был с ярко выраженными суицидальными наклонностями. Он забирался по лесенке под самый потолок далеко не маленькой клетки, потом одновременно отпускал все четыре лапки и кулем летел вниз. Лежал так, приходя в себя, а затем снова лез вверх. И так по несколько раз на дню! Что бедный зверек этим мазохистским способом хотел донести до сознания хозяина, так и осталось невыясненным, но прожил грызун недолго. А вот я через столько лет вдруг вспомнила этого горе-хомячка и теперь задыхалась от хохота, представив холеную высокомерную блондинку, периодически падающую с потолка клетки, вскакивающую, опять забирающуюся на самый верх и снова падающую. А если еще удлинить красоте два верхних резца вместо клыков, то картина вообще получается уморительная.

– Миррен Карилен, кажется, она ненормальная, – недоуменно взирая на веселящуюся меня, поставила диагноз вампирша. И даже отошла немного в сторону, чтобы, не дай бог, не заразиться. – Так же, как и ее спутник, ведь он тоже ведет себя неадекватно. Может, переход

через Врата так пагубно повлиял на их психическое состояние? Представляю, как изменились вкусовые качества крови...

Упоминание о «спутнике», который не мог быть никем иным, кроме Вадима, вмиг смахнуло всю мою чрезмерную веселость, словно веник паутину. Страх и тревожное неведение пусть за подлого, но единственного близкого мне здесь человека ледяной рукой сжали сердце. Собственнические инстинкты трусливо отступили на второй план.

— Где мой муж?! Что вы с ним сделали, кровопийцы?! — набросилась я на представитель упыриной братии, готовая любыми путями выцарапать из них хоть какую-нибудь информацию о своем благоверном. Во мне хотя бы есть капля вампирских генов, как-то защищающих от использования клыкастыми аборигенами по прямому назначению, а вот Вадим для них — потенциальная беззащитная жертва.

— Значит, тот псих с манией величия, что пришел вместе с тобой, — твой муж? — удивленно воззрилась на меня Глафира, снова принимаясь терзать свое массивное кольцо. — Какой кошмар!

— Он — ученый, ему по статусу положено быть несколько не в себе, — бросилась я на защиту своего благоверного.

— Первый раз вижу столько ненормальных людишек в одном месте, — удивленно приподняла идеальную бровь блондинка. — Обычно человечки здесь ведут себя более покладисто и так не истерят. Или в вашем мире все такие?

— Просто у некоторых отдельно взятых индивидуумов уже есть негативный опыт. — Мне сразу вспомнился безумный, поистине страшный взгляд Стефианира и два полностью обескровленных трупа впоследствии. — Только от ответа не надо уходить. Где мой муж?

— Ну... — Клыкастая язва сразу отвела взгляд и так многозначительно облизнулась, что мне стало нехорошо.

— С твоим спутником все в порядке, — поспешил реанимировать мое состояние Карилен, но только для того, чтобы снова окунуть в пучину тревожного неведения. — Пока.

— Что значит «пока»? — окончательно взорвалась я. — Почему нас расселили по разным комнатам и не дают видеться? Зачем закрывают на сто засовов и оставляют мариноваться в собственном соку? И почему нас не кормят, в конце концов?! Меня, по крайней мере. Это произвол, шовинизм и разжигание межнациональной розни! Ко всему прочему, мне нужно переодеться, почистить зубы, помыться, а то скоро блохи стадами гулять начнут. У вампиров бывают блохи? Ничего, если с гостями и дальше так поступать будете, обязательно заведутся.

Карилен внимательно выслушал все предложенные его вниманию претензии, смерил меня задумчивым взглядом и... поудобнее перехватил посох.

Опа-на! Кажется, сейчас тут кого-то будут бить. И этот кто-то — я, чтобы «в чужой рот свои клыки не переставляла», как говорят вампиры. Противопоставить столь грозному оружию мне было нечего, а умирать так бесславно, получив палкой по маковке или любой другой части единственного и любимого во всех отношениях организма, совершенно не хотелось.

— Миррен Карилен, можно я ее все-таки укушу, — повернулась вампирша к подозрительно молчаливому стражу и сложила губки бантиком. Вот стерва! А еще говорила, что не собирается мою кровь пробовать.

М-да, положеньице... С одной стороны клыки, с другой — посох. Если честно, мне не нравится ни то ни другое. И как прикажете теперь выкручиваться?

— Светлана... я правильно назвал твое имя, пришедшая алаканта? — проигнорировал мужчину просьбу капризной блондинки и, дождавшись моего осторожного кивка, обратил-таки свой непроницаемый взор на Глашку. — Светлана и ее спутник до Лика Справедливых будут иметь статус неприкосновенности. Это закон, который тебе хорошо известен.

Ну наконец-то хоть что-то начинает проясняться! Значит, пока наши с Вадимом жизни вне опасности. Ровно до тех пор, пока не явится какой-то загадочный лик и не примется за нас всерьез. Теперь осталось выяснить, сколько времени нам отпущено до вынесения приговора.

– О Лике Справедливых будет сказано накануне, – словно прочитав мои мысли, продолжил Карилен. – А теперь, Светлана, если желаешь, я отведу тебя к... мужу. Вам принесут еду и напитки.

Желаю ли я? Ха, глупый вопрос. Конечно, желаю. И даже не знаю, чего больше – увидеться с Вадимом или набить голодный до состояния полного высыхания желудок, который на предложение поесть тут же откликнулся бурно и громогласно. И нечего на меня так подозрительно смотреть, раньше кормить надо было, а сейчас ничего не поделаешь – физиология.

Уже при выходе из тюремной камеры в стиле барокко я вдруг неожиданно вспомнила одну немаловажную вещь. Старалась не думать о ней с самого момента попадания в этот рассадник негостеприимных кровопийц, но лучше прояснить все сразу (тем более когда есть кому ответить), чем потом мучиться осознанием безвозвратно ушедшего времени.

– А на похороны нас пригласят или эта церемония у вас проходит в узком семейном кругу? Хотелось бы проститься по-человечески с... вампиром.

Вот ляпнула-то. Сейчас меня пошлют далеко и надолго, и буду я радоваться до конца своих дней, что не послали еще дальше и глубже.

Но меня не то что не послали, меня даже почему-то не поняли.

– На похороны? – озадаченно остановилась в дверях Глафирена и глянула так, словно я сморозила явную глупость.

Товарищ с посохом дипломатично промолчал, но как-то странно при этом улыбнулся. Еле заметно, будто прекрасно понимал, о чем идет речь, однако очень хотел, чтобы это его знание осталось незамеченным. Но ему не повезло – я заметила. Не люблю, когда меня водят за нос, бессовестно пользуясь ситуацией.

– Вот только не надо говорить, что в вашем мире трупы сами в землю закапываются, – не смогла не съехидничать я, с каким-то извращенным удовлетворением наблюдая за вытягивающимися лицами моих клыкастых конвоиров. – Мертвый биологический материал не способен к сознательным действиям, потому что не подвластен воле разума, – это уже я у Вадима всяких заумностей набралась.

На лице блондинки слишком явственно отразился процесс переваривания моей мысли. Боюсь, ей грозит несварение мозга.

– Так что там с похоронами Стефианира? – Меня начали изрядно злить постоянные вампирские недомолвки. Неужели так трудно ответить на простой, по сути своей, вопрос? – Или вы решили его забальзамировать в назидание потомкам, чтобы не шлялись без прикрытия по чужим мирам?

– Не волнуйся, алаканта, никто его бальзамировать не собирается, – снизошел до более конкретного ответа Карилен и низко склонил голову, подозреваю, не в знак скорби, а чтобы спрятать упрямую улыбку, не желающую покидать его губы. – Только, боюсь, на похороны Стефианира Кронеста из рода Исскуронов ты вряд ли попадешь.

– Но... – попыталась было встрять в разговор блондинка, но вампир сделал короткий взмах рукой, чтобы не вмешивалась. Я была ему за это безмерно благодарна – Глафирка опять наговорит много всего, а ничего конкретного так и не скажет, а я потом голову опять ломаю над ее словесными ребусами. Нет уж, лучше иметь дело с этим вполне симпатичным мужчиной, от него больше толку. Да и информации тоже.

– Поэтому пока не стоит прощаться с ним... по-человечески, – закончил свою мысль вампир и быстро вышел в коридор, давая понять, что разговор на эту тему закончен.

– Понятно, – как можно равнодушнее пробубнила я ему в спину, но обида на этих напыщенных индюков с клыками все-таки прорвалась наружу. – Ничего страшного, переживу, а Стефу уже и так без разницы.

Странно, не думала, что банальный отказ проводить единственного достойного уважения вампира в последний путь меня настолько сильно расстроит. Я даже про двухдневный голод и нерадивого мужа забыла, вяло топая следом за своими бесчувственными провожатыми и глотая непрошенные слезы. А на что я, собственно, рассчитывала? Что меня тут примут с распростертыми объятиями и возведут в ранг национальной героини? Нет, конечно. Но элементарное «спасибо» за доставку в родные пенаты их заблудшего соплеменника я честно заслужила. О более глубоких мотивах моего испорченного настроения я старалась не думать вообще. У меня и так стресс, а если еще начну самокопанием, не дай бог, заниматься, тогда все, пишите письма. Позже со своими душещипательными заморочками разберусь, сейчас есть дела более насущные.

– Светка! Дорогая моя! Родная! Миленькая! – вопил между лихорадочными поцелуями Вадим, сжав при этом мое лицо ладонями так, что меня безбожно перекосило. – Я думал, мне тут конец! Эти упыри решили нас измором взять. Говорят, в одиночке у людей крыша моментально съезжает, и человек выбалтывает даже то, чего не знает. А от страха кровь вообще бродить начинает. Вампирюги, наверное, хотят из нас адреналиновый коктейль сделать. Я тут чуть не поседел с перепугу.

– Ошуши меня, – с трудом прошамкала я немилосердно сдавленной челюстью. Что же все за нее сегодня так и хватаются!

– Ну ничего! Мы еще посмотрим, кто кого! – словно не замечая моего плачевного положения, продолжал грозить всему вампирскому племени муж. – Пока мы живы, мы непобедимы! Это один в поле не воин, а вдвоем мы уже целое войско! Ой! Свет, ты чего дерешься?!

Мой благоверный запрыгал на одной ноге, потирая ушибленную голень, а я наконец обрела долгожданную свободу. Радость встречи как-то быстро сошла на нет.

– Вадим, я, конечно, тоже безумно рада тебя видеть в полном здравии, но это не повод делать из меня мисс криворожицу, – ворчливо ответила я на его несправедливое возмущение, предварительно убедившись, что непоправимого вреда моему многострадальному подбородку не нанесено. – Пластический хирург из тебя никудышный.

– Извини, это я от избытка чувств, – повинился Вадим, не торопясь, однако, ко мне приближаться.

Я скептически хмыкнула. Еще бы у тебя, дорогой, избытка чувств не наблюдалось, за сохранность собственной шкурки переживал, поди. Ведь, кроме меня, вытащить тебя из этой передраги больше некому. Вряд ли клыкастые аборигены, не дай бог что со мной случись, проявят максимум великодушия и сами проводят тебя до родного мира. Ага, дураков нет. Особенно если узнают, что это светило науки делало в своей лаборатории с их соплеменниками. И горе-ученый это прекрасно понимает.

Что ж, сейчас мы с Вадимом в одной упряжке, в чужом мире, законов и правил которого не знаем, а вокруг нас скорее враги, чем друзья, относящиеся к непрошеным гостям с гастрономической настроенностью.

На удивление быстро принесли ужин. Мы с Вадимом только и успели обменяться каждый своими затворническими новостями, которые удивительным образом совпадали. К нему, оказывается, тоже приходила Глафирка, пристально разглядывала «исчадие другого мира», а потом, презрительно сморщив свой очаровательный носик, сообщила о таинственном Лике Справедливых, который должен стать решающим в нашей незавидной судьбе.

Но обмен мнениями пришлось временно отложить. Нормальная, горячая, дурманяще пахнущая еда отбивала всякое желание думать. Тут был и запеченный целиком поросенок,

и румяная картошечка, посыпанная сверху укропчиком, и всевозможная нарезка (я только навскидку видов семь колбасы насчитала, пока не начала слюной захлебываться), и салаты, и булочки, и свежие фрукты. Вот это я понимаю, гостеприимство. И чего, спрашивается, нас два дня голодом морили? Для профилактики, что ли?

Вадим, как истинный голодный мужчина, поспешно отобрал у молодого парня, принесшего нам роскошный ужин, поднос и утащил все умопомрачительное изобилие в глубину комнаты, где и занялся его более детальным изучением. Как ученый, он, видимо, боялся некоего подвоха со стороны наших хлебосольных тюремщиков. Однако это не повод быть неблагодарным.

– Спасибо, – учтиво кивнула я невысокому светловолосому вампиру и уже собралась было последовать за мужем, дабы помочь супругу в его увлекательном исследовании содержимого многочисленных тарелок, но что-то заставило меня задержать взгляд на подозрительно молчаливом прислужнике.

Я присмотрелась к простоватому на вид, ничем не примечательному лицу внимательнее и изумленно открыла рот. Человек! Самый обычный среднестатистический молодой человек, каких полно и в нашем мире. Светло-русые волосы, курносый нос с веснушками, бледно-серые глаза, коренастая, слегка сутулая фигура, и никаких клыков и багрового отблеска в бездонных зрачках. Но как такое возможно? Ведь для вампиров люди всего лишь шээри, а шээри в их понимании – просто корм. Или перед употреблением людей тут принято использовать как бесплатную рабсилу?

– Подождите, милейший, – поспешно окликнула я уже взявшегося за ручку двери парня, но он не удостоил меня ответом, пришлось придержать его за рукав, пока не сбежал. – Да подожди же! – от волнения я даже перешла на «ты».

Слуга обернулся и, вопросительно изогнув бровь, неуверенно посмотрел на меня. Я, радуясь, что контакт налажен, выпалила на одном дыхании:

– Ты ведь человек? Что ты делаешь в замке вампиров?

Выражение лица парня почему-то не изменилось.

– Как тебя зовут? – прибегла я к несколько иной тактике знакомства, стараясь придать своему голосу как можно больше доброжелательности. Если уж вампиры прекрасно меня понимают, то человек и подавно должен откликнуться на зов попавших в беду соплеменников, пусть и из другого мира. Чисто из солидарности.

И ответ я все-таки получила. Только совсем не такой, какого ждала.

Парень приложил руки к ушам, потом коснулся ладонью виновато улыбающихся губ и невнятно замычал. Да он глухонемой! Час от часу не легче!

– Свет, хватит к вампирам приставать, иди скорей сюда, пока все не остыло. Поросенок просто божественный! – окликнул меня так не вовремя муж, ученая натура которого сейчас пребывала в гастрономическом экстазе и воспринимать какую-либо иную информацию, не касающуюся еды, была просто неспособна.

– Вадим, но это не вампир! – потрясенно обернулась я к своему благоверному, пытаюсь донести до его затуманенного ароматными запахами сознания сенсационную новость. – Он – человек!

– Тем более не приставай. Он свое дело сделал, еду нам принес. Значит, может быть свободен, – не отрываясь от разделывания румяной поросячьей тушки, отмахнулся муж. – Учти, я ждать не собираюсь, сама потом жаловаться будешь, что тебе мало вкуснятины досталось.

– Но... – снова обернулась я к глухонемому слуге, но его уже и след простыл. И когда только успел незамеченным выскользнуть из комнаты?

Я выглянула в коридор. Там царил сгущающийся вечерний полумрак надвигающихся сумерек. И ни одной живой души. Мертвой, собственно, тоже, что особенно радовало. Лишь

занавески слабо колыхались на окнах, словно старались воспротивиться проникновению вечерней прохлады внутрь этого таинственного и поистине грозного сооружения.

Вообще-то такое странное безлюдье, точнее – безвампирие, несколько настораживало. Когда меня вели в комнату, отведенную Вадиму, которая, кстати, находится на другом конце замка да еще и этажом ниже, нам по дороге тоже никто не встретился. Сомнительно, что тут проживает от силы пара-тройка постояльцев, с коими я уже имела честь познакомиться, но тишина вокруг стояла противоестественная. Или вся основная жизнедеятельность наступает как раз с приходом ночи?

Проверять эту версию в гордом одиночестве не хотелось, поэтому я захлопнула дверь и решила, что нужно разбираться с проблемами в порядке общей очереди. На первом месте пока еще оставался мой бедный голодный желудок. Пора уделить ему более пристальное внимание.

– Свет, у меня такое впечатление, что ты с осени закормленная, – не переставая жевать, высказался Вадим и великодушно протянул мне поджаристый, еще не успевший остыть пороссячий окорочок.

– Человек без еды может прожить около сорока суток, – философски парировала я, примеряясь к аппетитной ножке, – а в логове истинных вампиров, питающихся исключительно кровью, – еще неизвестно.

– Прекрати аппетит портить, давай хоть поедим нормально. – Мужа мои разглагольствования в качестве гарнира совершенно не устраивали. – Я так понял, надоедать нам с частыми визитами никто не намерен, так после ужина все и обсудим. Моему мозгу срочно нужны калории. И много!

Пришлось пожалеть нежную мужскую организацию, которая устроена так, что легкость мыслей напрямую зависит от тяжести желудка. К тому же я сама есть хотела неимоверно, а говорить с набитым ртом не очень-то удобно.

В общем, на какое-то время семейная ячейка общества по фамилии Назаровы забыла обо всех насущных проблемах, с головой (хотя правильнее было бы сказать – с желудком) погрузившись в набивание своих пустых животов.

– Эх, хорошо-то как! – примерно через полчаса сыто откинулся на кровати Вадим и закинул руки за голову. – Всегда бы так жил!

– А мозг от обилия калорий жиром не заплывет? – не смогла удержаться от ехидства я, компактным комочком устраиваясь среди многочисленных подушек. Укладываться под бочок к мужу, как я всегда это делала в моменты чисто женского умиротворения и ленивой неги, совершенно не хотелось. В душе поселилась какая-то стойкая отчужденность к этому двуличному человеку. Не ненависть и презрение, как того можно было ожидать, а именно отчуждение, когда еще не можешь забыть прекрасных, пережитых вместе мгновений, но понимаешь, что ничего подобного уже никогда не повторится. Ложь черной кошкой пробежала между двумя любящими душами. А любящими ли?

– Не-а, – лениво отозвался Вадим. – Моя гениальность не склонна к полноте. У нее тонкая изящная кость и отличный метаболизм.

– Тогда, может, еще кусочек?

На подносе к тому времени мало что осталось: косточки съеденного поросенка, пустые тарелки из-под нарезки, шкурки от фруктов, хлебные крошки, пара ложек салата в вазочке. И мой вклад в уничтожение пищевых запасов, которых вполне могло бы хватить человек на семь, был минимальным. Несмотря на два разгрузочных дня, впихнуть в себя я смогла самую малость, все остальное – заслуга моего благоверного. Никогда не предполагала, что в него столько еды влезает. Или это своего рода акклиматизация к условиям другого мира?

– С ума сошла?! – Муж посмотрел на меня с таким укором, будто я предлагала ему нечто совсем непристойное. – Я же не бездонная бочка!

– Да? А судя по количеству уже съеденного, очень даже похоже, – снова подпустила я шпильку.

– Хватит уже язвить, давай лучше делом займемся. – Вадим, кряхтя и охая от обжорства, принял сидячее положение и придвинулся ко мне. – Надо отсюда выбираться, и чем быстрее, тем лучше.

Кто бы спорил?

– Надо. А как?

– Слушай, милая моя Светочка. – Серые глаза за стеклами очков нехорошо сузились. – Ты открыла сюда портал, значит, на твоей совести нас и вытаскивать. Ты же у нас теперь *алаканта*. – Последнее слово было произнесено с таким сарказмом, что больше походило на ругательство. – А я так, простой человечешка, без каких бы то ни было выдающихся способностей.

– Не прибедряйся, дорогой. – Я постаралась за мягкой улыбкой скрыть рвущееся наружу раздражение и не дернуться от протянутой к моим волосам мужниной руки. – Твои таланты непревзойденны в своей оригинальности. И неповторимости.

– Я рад, что ты наконец это осознала. – Польщенный моей неприкрытой лестью, Вадим снова по-хозяйски развалился на кровати поближе ко мне, продолжая рассеянно перебирать пальцами мои растрепанные локоны. – Давай открывай свои чертовы Врата, и валим отсюда.

– Но... я правда не знаю, как, – несколько виновато принялась оправдываться я. – Я уже пробовала несколько раз, ничего не получается.

– Не может такого быть, – сразу отмел мою версию как нерабочую муж. – Значит, плохо пробовала.

– Вадим, я действительно не понимаю, как у меня это получилось в прошлый раз, – более твердо произнесла я и под видом смены позы несколько отодвинулась от такой неприятной ласки. Даже волосы за уши заправила, чтобы больше соблазнов их трогать у некоторых не возникало. – Мне кажется, что портал вообще открылся сам по себе или благодаря тому, что рядом был Стеф, а может, все дело в Стадии... Не знаю.

– Свет, что ты говоришь?

Я в ответ только неопределенно пожала плечами и демонстративно уставилась в безликий потолок. А что он хотел услышать? Или увидеть? Доказывать свою некомпетентность с помощью бестолковой пантомимы, должной якобы разорвать пространство и проложить мост между двумя мирами, совершенно не хотелось. Не люблю выглядеть глупо, даже перед собственным мужем.

– Вот влипли-то... – кажется, кое-кто наконец осознал всю серьезность нашей обоюдной проблемы и глубокомысленно засопел, тоже пытаясь выискать хоть какое-то решение на многострадальном потолке. Потолок, как ему и полагается, равнодушно безмолвствовал. Я тоже. А вообще-то Вадиму не мешает подумать, что постоянно упиваться собственной гениальностью и рассчитывать на мои новообретенные сомнительные возможности не слишком рационально.

Кстати, мне тоже неплохо было бы пораскинуть мозгами о жизни своей насущной. Страх одиночества и панический ужас неизвестности вроде пока прошли, умереть с голоду в ближайшие несколько дней не грозит, муж и по совместительству единственное в этом мире знакомое существо рядом возлежит. Так что...

Так что надо действительно подумать, как быть дальше. Только это самое «дальше» очень мутное и неопределенное. Вернуться назад, в родную реальность под названием Земля, хочется очень. Там все знакомое, хорошо известное, понятное и вполне предсказуемое. Было. Всего пару недель назад, пока мне на голову не свалился самый настоящий вампир из параллельного мира. Вот тут-то моя жизнь и перевернулась, да так, что до сих пор в себя прийти не могу. Все-таки информация – страшная сила. Жила себе спокойно, ничего не

знала о тайной жизни собственного мужа, будучи свято уверена, что он в своем НИИ занимается разработкой какой-то безобидной вакцины. А пару дней назад выяснилось, что я к его работе имею самое непосредственное отношение – в виде подопытного кролика, которому по-тихому пересадили почку вампира. Точнее вампириши. И кто я теперь после всего этого? Уже не человек, но еще и не кровожадный монстр, так, ни нашим ни вашим. Людям на меня плевать, пока во мне помалкивают антисоциальные гены, а вампиры вроде и чувствуют что-то свое, но всерьез не воспринимают. Только муж продолжает активно переживать за «свое научное детище», да и то по причине единичности экспериментального образца. А если еще вспомнить, с какими «спецэффектами» в виде двух обескровленных трупов и полностью разрушенной лаборатории мы покидали наш мир, то возвращаться домой отпадает всякая охота.

Незавидное будущее в решеточку на пару десятков лет, с моей точки зрения, не выглядит излишне заманчиво и романтично. И домой хочется скорее по привычке, чем по необходимости, тем более что энергетика Земли может вскорости неадекватно повлиять на мой еще не до конца сформировавшийся полувампирский организм. Повлияет или нет – неизвестно, но испытывать негативные последствия чужих амбиций на собственной шкурке как-то не очень хочется. Вон сколько упырей полегло только при переходе через межмировые Врата, а те, что выжили, довольно быстро превратились в безжалостных убийц. Что грозит мне в случае несовместимости чужеродной энергетики, дремлющей в моем подопытном организме, с магией нашего мира, даже подумать страшно.

А здесь... Здесь я никто и звать меня никак. Моя судьба опять оказалась в чужих руках (наверное, точнее будет сказать: в клыках), и опять впереди туманная неопределенность без права на далекое будущее. Трудно сохранять достоинство, самоуважение и спокойствие, когда на тебя смотрят исключительно как на корм. Единственный вампир, который ко мне относился с некоторой долей симпатии и мог бы защитить (или, на худой конец, предупредить) хоть от каких-то темных сторон этого мира, мертв. Стефианир... Вредный, язвительный упырь, еще не друг, но уже не враг... Как же мне тебя не хватает! Гораздо больше, чем самой хотелось бы признаться...

Э нет, так дело не пойдет! Эта тема табу, раз и навсегда. Все равно что-либо изменить уже невозможно.

– Вадим, у тебя появились какие-нибудь соображения, что нам делать дальше? – не сильно рассчитывая на конструктивный ответ, поинтересовалась я. – Хотя бы как себя вести, у тебя же опыта в общении с кровососами гораздо больше.

Муж меня бессовестно проигнорировал. Неужели настолько глубоко ушел в себя, что сам теперь вернется не скоро?

– Эй! – Я осторожно потрясла своего личного научного гения за плечо. Ситуация у нас, конечно, очень нестандартная, можно даже сказать – из рук вон выходящая, не без моего прямого вмешательства возникшая, но это не повод так бессовестно меня игнорировать. – Давай вместе искать выход из создавшегося положения.

Заливистый храп красноречиво дал понять, что заседание семейного совета временно откладывается по причине наглого самоустранения одной из заинтересованных сторон. Нет, ну не подлец? Я тут, понимаешь ли, мучаюсь, свой среднестатистический женский мозг напрягаю, а он на пару с собственной гениальностью почивать изволит. Несправедливо как-то.

– Так! Назаров, а ну-ка подъем! – Тычок кулаком в бок не возымел должного действия, пришлось потрясти более основательно. – А ну быстро просыпайся! Враги наступают!

– А? Что? Какие враги? Где? – Муж с трудом разлепил веки, привстал на локте и пригляделся озираясь по сторонам ничего не понимающим взором. Естественно, никого опасного, кроме меня, не обнаружил, а посему, осторожно поправив съехавшие почти на самый кончик

носа очки, строго потребовал отчета о причине столь экстренной побудки: – Свет, тебе чего надо? Скучно стало? Ляг поспи, и все пройдет. И другим не мешай спа-а-ать.

Последние слова потонули в сладком зевке не обремененного серьезными заботами человека.

– Вообще-то мы с тобой решали стратегически важную задачу, – осторожно напомнила я.

– А я, по-твоему, чем занимаюсь? – лениво ответил Вадим, снова укладываясь на кровать и устраиваясь поудобнее. Даже две пуховые подушки из-под меня выдернул, дабы комфорт был максимальным.

– Это во сне-то?

– А что тут такого? Менделееву его знаменитая таблица химических элементов в самом прямом смысле приснилась, Отто Леви во сне расшифровал природу нервного импульса, получив, кстати, за свое открытие Нобелевскую премию, Декарт нашел свое гениальное математическое призвание, так же сладко посапывая. Чем я хуже?

– Тем, что нам сейчас не нужны великие открытия, – раздраженно прошипела я, низко склоняясь к лицу до противности вальяжно развалившегося мужа. – Нам нужно собственные шкуры спасать!

– По поводу спасения с тобой полностью согласен, но засыпающий на каждом шагу организм к спасению достаточно инертен, поэтому хочу сначала выспаться, тем более что на нас пока никто не покушается, – не открывая глаз и вообще делая вид, будто я не соплю ему в небритую щеку, сонно промямлил Вадим. – А по поводу открытий... Вот ты и потренируйся свои порталы открывать, если спать не хочешь... только меня не забудь прихватить, если вдруг получится... ты ж без меня пропадешь... только... пух... сви... аха...

Последние слова плавно перешли в сонное сопение, а затем и в легкое похрапывание.

Я не стала больше делать попыток достучаться до совести своей второй половины. Какой смысл, если этой самой совести, как показали недавние события, у Вадима отродясь не бывало.

М-да... Как кичиться своим умом да права на заслуженный отдых отстаивать – так это мужчины всегда в первых рядах, а как в горящую избу идти или коня на скаку останавливать – это сразу на более ответственные женские плечи перекладывается. Тоже, что ли, выработать здоровый пофигизм и спать завалиться? Нет, не получится. Как бы ни хотелось мне закрыть глаза и вырубиться, чтобы на какое-то время выпасть из навязанной реальности, ничего не получится. Или стоит попробовать? А если вампиры и правда прямо сейчас возьмут и заявятся нашей экзотической кровушкой лакомиться? Боюсь, на одних моих сомнительных физических силах и несуществующем авторитете мы долго не продержимся. Максимум секунд тридцать, да и то только потому, что голодные кровососы будут сначала дико ржать над жалкими попытками одной странной девицы сохранить никому не нужные в этом мире человеческие жизни. А потом все равно кровь выпьют, с еще большим аппетитом, предварительно поблагодарив за приподнятое настроение. Или не поблагодарив, все зависит от моих личных актерских талантов, коих у меня отродясь не бывало.

Брр... Перспектива вырисовывается какая-то безрадостная и несколько однобокая, то есть несовместимая с жизнью в любом случае. Я чувствую себя мухой, попавшей в паутину: дергайся, не дергайся, а паук уже знает, что ты никуда не денешься. Осталось только дожидаться, когда коварный пленитель проголодается и...

– Идем со мной, шайлари...

Ух как я подпрыгнула от вкрадчивого шепота, раздавшегося в сгущающихся сумерках похоронным набатом! Не заорала только по причине резкого спазма в горле. Большинство женщин в критических ситуациях визжат так, что ультразвуковые вибрации ласковой колы-

бельной покажутся, а я вот наоборот – звука издать не могу, голосовые связки не иначе как из солидарности вместе со мной в ступор впадают.

Медленно повернув голову на звук, я натолкнулась на полный голода взгляд. Холодный, неприятно заинтересованный, предвкушающий. Меня внимательно изучали, словно прикидывая, с какой стороны находится более лакомый кусочек. Молодец, Света, умеешь ты форсировать события.

Карилена (удивительно, что я с перепугу его узнала, по клыкам, не иначе), кажется, порадовала моя реакция на его кровожадную персону, и он решил не отказывать себе в удовольствии понаблюдать за мной и дальше. Меня же такое внимание сильно нервировало. Недавнее шапочное знакомство вряд ли послужит для вампира серьезным препятствием для утоления голода.

Моя рука непроизвольно потянулась к беззаботно спящему Вадиму и тронула его за плечо. Защита не сказать чтобы надежная, но вдвоем бояться не так страшно.

– Мм... – безапелляционно послал меня так и не проснувшийся муж, переворачиваясь на другой бок, спиной к происходящим событиям. Даже ладошки мило под щечку подложил, будто ему двух подушек мало было.

Я сильнее постучала по бесчувственному телу, но опять безрезультатно.

Так, с этим все понятно. Пьеса разворачивается по классическому сценарию – надежда не умерла, но уснула слишком крепко, чтобы поделиться со мной хотя бы капелькой призрачного оптимизма. Но когда смерть излишне жизнерадостно поблескивает глазами и клыками на расстоянии плевка, моя ставшая за слишком короткий срок запутанной жизнь уже не кажется такой уж отвратительной. И даже гнусный предатель, трусливо сваливший в такой ответственный момент в гости к Морфею, не вызывает закономерной неприязни. А что? И с более отъявленными негодьями бабы живут, зато свое, родное. Прямо как в анекдоте, когда проводили опрос по разным странам мира, за кого красивые женщины замуж выходят. В Англии красавица вышла замуж за старого хрыча, потому что он лорд, в Америке немощный трясущийся старикашка оказался миллиардером, а в России (горжусь своей исторической родиной!) эффектная красотка выбрала мелкого плюгавого мужичонку с одной извилиной, заявив, что у нас все мужики – дерьмо, так она нашла кучку поменьше. Моя же кучка сейчас продолжала чисто по-русски отлынивать от своих прямых супружеских обязанностей. Это я про защиту себя, любимой.

– Не буди его, Светлана. Идем, – пресек Карилена мою очередную попытку достучаться до мужа и в приглашающем жесте галантно протянул раскрытую ладонь.

Я с опаской покосилась на предложенную длань и на всякий случай немного отодвинулась. Мало ли. «Словно бездомной собаке показывает, что у него в руках пусто и коварных намерений по отношению ко мне нет», – сразу же подумалось мне, хотя в последнее предположение верилось с большим трудом. Чтобы вампир – да без злого умысла? Да я быстрее поверю, что тигры исключительно святым духом питаются, а от мяса у них анафилактический шок случается.

– Кто такие шайлари? – хрипло выдавила из себя я первое, что пришло в голову. Плохое начало разговора, конечно, но продолжать молчать и дальше становилось невыносимым. Паника приветливо махала платочком, сообщая, что уже в пути и скоро будет.

– Это гостя, – кратко и емко ответили мне.

– А гость как?

– Шайрэ.

– Странно, – на полном серьезе задумалась я над полученной информацией, не сразу заметив, что рассуждаю вслух. – Шайрэ – гость, шээри – еда... Подозрительное созвучие получается. Если попробовать разобраться в смысловых истоках этих двух понятий, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться об их образовании от единого корня.

Удручающее обращение выходит и какое-то непочтительное.

Вампир сначала уставился на меня широко распахнутыми глазами, словно на мне внезапно выросли целых три рога, причем в самых неподходящих местах, но по мере осознания мною сказанного как-то весь сжался и низко опустил голову. Ага, значит, я угадала. Не зря у меня по русскому всегда пятерка была! Вряд ли, конечно, мой родной язык и местное наречие можно рассматривать с точки зрения общности, но правила словообразования обычно везде одинаковы.

Однако радость от собственной сообразительности была недолгой. Мое внимание привлек странный хрюкающий звук. Я недоуменно подняла глаза и даже растерялась от увиденного, не зная, что и предпринять. Карилен трясся в беззвучном смехе, закрыв лицо руками и изредка издавая совершенно не подходящие его кровожадной натуре всхлипы. Мне было бы, конечно, намного приятней думать, что он плачет, но – увы и ах! – это клыкастое недо-разумение бессовестно ржало. Надо мной, между прочим!

– Вот уж воистину – то, что для вампира радость, для человека – смерть, – с нескрываемой горечью в голосе изрекла я, окончательно уверившись в своих догадках. Эх, быть мне сегодня десертом (это я себе еще польстила)!

Карилен завибрировал еще активнее и тыльной стороной ладони принялся вытирать выступившие от смеха слезы.

«Интересно, а у всех вампиров такие тонкие изящные пальцы?» – опять совершенно не к месту подумалось мне. Воображение услужливо подсунило образ играющего почему-то на скрипке клыкастого аристократа на сцене дешевого прокуренного ресторана... Вокруг полно самого разного народа, все пьют, едят, разговаривают о каких-то пустяках, решают пустопорожние проблемы и даже не представляют, что раздирающая душу музыка, срывающаяся с натянутых струн, – это реквием, реквием по всем тем, кто сейчас находится в зале. Потому что уже через несколько минут скрипач решит, что достаточно набренчал себе аппетит и пора бы уже немного подкрепиться. Тогда-то и начнется самое главное представление этого вечера – бенефис крови, дебют смерти и феерия жизни. А пока пальцы вампира, такие красивые, чувственные, нежные, продолжают, словно любимую женщину, ласкать старинную потертую скрипку, навевая мысли о...

– Не смотри на меня так, – с трудом выдавил из себя вампир, не слишком успешно пытаюсь вернуть на довольное лицо хотя бы толику серьезности. Получалось у него из ряда вон плохо.

– Как «так»? – Щеки предательски запылали, и я стыдливо отвела глаза. И почему мне в голову в присутствии вампиров всякий бред лезет? При общении с людьми за мной подобного не водилось.

– Будто вампир с многовековым стажем – это не я, а ты. – И Карилен не удержался – снова расплылся в жизнерадостной клыкастой улыбке, махнув рукой на вконец испорченный имидж страшного и ужасного кровопийцы.

Вот только меня его брызжущая во все стороны доброжелательность отнюдь не успокоила. Мало ли какие у кого методы добывания пищи. Змеи, например, часто гипнотизируют свою добычу, лишая ее возможности удрать, кошачьи долго сидят в засаде, поджидая, пока нерадивый прохожий зазеваается и пройдет слишком близко, волки загоняют жертву всей стаей, нагуливая тем самым не только аппетит, но и чувство коллективизма, насекомые строят всяческие хитроумные ловушки со множеством прибабыхов. С привычными и хорошо знакомыми на Земле животными все достаточно просто, а вот в вампирологии я полный «чайник». Вдруг у вампиров принято сначала поговорить по душам, расположить будущую трапезу к себе, а уже потом съесть? Хотя одна хорошо знакомая клыкастая личность на моих глазах без всяких предупреждений уколошила двоих человек. Однако, думаю,

это простое исключение из правил, обусловленное чужим враждебным миром и «съехавшей крышей».

Воспоминание о Стефианире злобной кошкой заскреблось в душе, и я довольно резко потряхнула головой, поспешив прогнать непрошеные и совершенно неуместные мысли.

– Ладно, шайлари Светлана, – продолжая клыкасто улыбаться, снова протянул мне руку Карилен. – Идем уже.

– И куда это? – недоверчиво поинтересовалась я. – В обеденную залу и сразу на стол? Надеюсь, блюдо хотя бы выстлали чем-нибудь мягким, например, листьями салата или пучками укропа?

– А красная икра в качестве перинки не подойдет? – проявил прямо-таки отеческую заботу этот не на шутку разошедшийся тип. – Или шайлари предпочитает черную?

– Ни то ни другое. – Я брезгливо поморщилась, с удивлением отмечая, что набор привычных на Земле деликатесов актуален и в этом мире. – Не люблю сырость, да и рыбой потом от меня вонять будет, за неделю не отмоешься.

– А ты считаешь, что после исполнения обязанностей главного блюда на праздничном столе тебе действительно нужно будет помыться? – И столько неподдельного удивления в голосе, что я невольно отшатнулась.

Так, все понятно. Мне довольно мягко намекнули, что рыбное, да и любое другое послевкусие должно беспокоить меня в самую последнюю очередь. Чесноком разве что натереться. Может, это если уж не отобьет у вампиров аппетит, то хотя бы изрядно его портит.

– А с ним что будет? – Я осторожно кивнула на безмятежно спящего Вадима, запоздало сообразив, что не стоило, наверное, привлекать к мужу излишнее кровопийское внимание.

– У тебя есть какие-то конкретные предложения? – тут же проявил заинтересованность Карилен, разве что не облизнулся в предвкушении. – Готов выслушать. Люблю, знаешь ли, разнообразие... – и такой красноречивый взгляд в сторону ничего не подозревающего Вадима, – в меню.

– Предложение есть, – усиленно закивала я, торопясь исправить собственную оплошность, но плотоядный оскал моментально сбил весь настрой. – Точнее, не есть... Нет, не так. Короче... Может быть... Наверное, не стоит...

Прикованное к мужу клыкастое внимание сильно напрягало, мысли окончательно запутались. Пришлось замолчать, чтобы не наговорить еще какой-нибудь ерунды. Благо компания располагает к глупостям хотя бы потому, что может стать последней в моей (да и не только) жизни. А подставлять под вражеские клыки пусть и неблагонадежного, но все-таки мужа, да еще и единственного представителя своего мира, как-то не очень хотелось. Я еще не так низко пала, чтобы платить за нанесенные разочарования, обиды и загубленную жизнь той же монетой. Не хочу уподобляться подлецу, становясь на путь коварства и предательства.

– Все-таки человеческого в тебе гораздо больше, – снисходительно покачал головой вампир, будто прочитав мои мысли.

– Ничего удивительного, – без особого оптимизма пробурчала я, но тема о себе любимой показалась мне гораздо более безопасной. – Странно было бы тридцать лет прожить человеком, а потом в одночасье стать кем-то другим. Может, стоит попытаться поискать во мне сходство с кроликом?

– Не вижу необходимости. – Мою попытку пошутить в очередной раз не оценили.

М-да... Разговор начал заходить в тупик. Никакой конкретики, определенности и даже намек на возможную вероятность хоть какого-то соглашения. Причем с обеих сторон.

– Ладно, Светлана. – Карилен нахмурил лоб, будто вспомнил о неприятном, но еще не выполненном деле. – Забавно с тобой общаться, но нам пора, – и, уже не надеясь на силу собственного убеждения, потянул меня за руку. – Идем.

– Зачем? – Я с насиженного места вставать не торопилась и для надежности ухватилась за подушку – не ахти какая подмога, но моральный дух она подняла. – Мне и тут неплохо. Вполне себе уютненько, миленько, муж под боком. А еще тут кормят. И потом – куда ты меня хочешь затащить?

– К тебе.

– А что, здесь нельзя этим заняться? – Я откровенно не понимала всех этих бесплодных хождений туда-сюда – достойного отпора мы с Вадимом все равно дать не сможем, даже если бы свекровь в качестве бультерьера с собой прихватили. Так какой смысл тащиться в другой конец замка только для того, чтобы что-то там со мной сделать?

– Нельзя. Тут твой муж мешает.

После такого неординарного заявления я не только мигом растеряла все придуманные доводы в защиту иномирных меньшинств, но и способность к какому бы то ни было сопротивлению. Этим не преминул бессовестно воспользоваться клыкастый искуситель, мягко, но твердо, словно душевнобольную из опасной зоны, увлекая меня из комнаты.

Горящие факелы на стенах вдоль всего коридора мягко разгоняли подступающие сумерки. Дверь за моей спиной бесшумно, а оттого излишне зловеще, закрылась, и я осталась один на один с вампиром.

– А чем он мешает? – почему-то шепотом удосужилась наконец поинтересоваться я.

– Своим присутствием.

Поистине краткость – сестра таланта и свекровь взаимопонимания.

– Что вы собираетесь с ним сделать?! – Мои мысли сейчас были узконаправленными и вертелись исключительно вокруг одного не слишком благородного человека.

Карилен обреченно закатил глаза к потолку.

– Может, правда, стоит принять его на грудь, чтобы одна патологически заботливая особа перестала выносить мне мозг? – словно советуясь сам с собой, пробормотал мой немногословный провожатый.

– Только попробуй! – Пальцы непроизвольно сжались в кулаки. – Знаешь, что я тогда с тобой сделаю, ты, жертва гемоглобиновой зависимости?

Широкая улыбка в стиле вамп была слишком красноречива, чтобы обольщаться – мне не поверили, даже если бы знали. Я тоже попыталась хищно оскалиться, но мои зубы против вампирских выглядели так же жалко, как детская хлопушка против ядерной боеголовки.

– Смешная ты, – продолжая плотоядно лыбиться, Карилен словно невзначай оперся рукой о только что закрытую дверь.

Заподозрил, наверное, что я сейчас брошусь обратно в комнату и до последней капли собственной крови буду защищать своего дрыхнувшего без задних ног благоверного. Если честно, он был недалеко от истины, подобное я и собиралась осуществить, но засов в виде вампирской длани и остатки здравого смысла сработали лучше всяких тормозов. Во-первых, прорываться с боем через превосходящего по силам противника довольно глупо (а кое-кто, когда проснется, все равно этого не оценит), а во-вторых, нам что-то про Лик Справедливых говорили, до явления которого мы вроде как неприкосновенны. Утешение, конечно, слабое, но другого все равно нет.

До моих тюремных хором добрались на удивление быстро. То ли я меньше по сторонам глазела, задумавшись о своем, земном, то ли Карилен вел меня более коротким и неинтересным путем. Снова оставаться в одиночестве, да еще и на ночь глядя, совершенно не хотелось. Этот опасный, но вроде благодушно настроенный ко мне вампир, конечно, не лучшая компания для ночных посиделок, но за неимением лучшего...

– А почему ты сейчас без посоха? – словно между прочим поинтересовалась я, когда клыкастый провожатый (или все-таки конвоир?) остановился у порога моей камеры класса люкс.

– Это не посох, а жезл, и носят его Ведущие кланов. Он позволяет отслеживать чужаков на наших землях.

Сухой и лаконичный ответ без права на дальнейшие расспросы. Ну и пожалуйста, не очень-то и хотелось.

– А почему мы за все время хождения по замку никого не встретили? – попыталась я зайти с другой стороны. – У вас тут мертвый сезон, что ли?

– Что-то типа того, но это ненадолго.

Легкая-легкая, едва заметная усмешка скользнула по его губам. Мне стало не по себе. Неужто гадость какую замыслил? Тонкая аристократическая рука уже плавно легла на дверную ручку и с нежностью истинного интригана ее погладила. Переступить порог комнаты расхотелось окончательно. Может, половичок попросить и в коридоре обжечь какой-нибудь укромный уголок, предварительно выставив оттуда паука или даже целое семейство тараканов?

Судя по громогласному смеху, заставившему меня вздрогнуть, последнюю фразу я снова произнесла вслух. Нехорошая какая привычка появилась у меня в последнее время, не иначе как вредное воздействие местной атмосферы. Или магнитный фон тут излишне активный для меня?

– И тебе не стыдно? – слегка покраснев от осознания своей глупой несдержанности, проворчала я. Надо учиться думать про себя, а то уже вампиры надо мной ржут.

– Не-а, – радостно признался Карилен и распахнул-таки злополучную дверь. – Первый раз встречаю женщину, готовую променять шикарную мягкую кровать на жесткий неудобный коврик с сомнительным соседством.

«Сдается мне, в этом мире любое соседство сомнительное, вопрос только в габаритах и способе питания», – подумала я и тяжело вздохнула.

– Только имей в виду, – продолжал напутствовать вампир, аккуратненько так пропиная меня внутрь. – Паук и уж тем более тараканье семейство будут яростно отвоевывать обратно свое законное место жительства.

– Тлетворное влияние вампиров, – смирилась с неизбежным я, входя в полумрак своего богато обставленного узилища. А что еще оставалось делать? Выбора-то никто не представляет, а бежать некуда.

– Вряд ли. Просто насекомые тоже не любят несанкционированных захватчиков. Приятной ночи!

– Угу, ты еще в рейдерстве меня обвини, – пожаловалась я окружающему пространству и, спохватившись, уже громко, но запоздало крикнула в еле заметную щелку между косяком и дверью: – Эй, свечку хоть дайте, упыри бесчувственные! Тут темно и страшно!

Дверь, не изменяя своим привычкам, безмолвствовала, открыть ее, конечно, тоже не получилось. Пяткой я решила не рисковать и поберечь сию драгоценную часть тела для более подходящего случая. Все равно, как показывает недавний опыт, пользы от такого членовредительства с гулькин нос, а какую-нибудь травму я себе и без мазохизма могу заработать. Например, шею свернуть в потемках... Но это уж если совсем не повезет. А пока что я жива и относительно здорова (чему, надо отметить, несказанно рада), осталось только выяснить самую малость – надолго ли?

М-да, положеньице... И расправляться с нами тут почему-то не торопятся, но и уважения ни на грамм. Хоть покормили нормальной, можно даже сказать ресторанной едой, что уже радует. А самолюбие и эмоции... да пусть пострадают немного, в отличие от физической составляющей организма они быстрее восстанавливаются. Ну или приспосабливаются

к новым обстоятельствам, это уж от крепости нервов зависит. Мои держатся из последних сил. Молодцы! А вот Вадькины, похоже, или сдохли окончательно и бесповоротно, или еще не до конца поняли, в какую бяку мы вляпались. В свете последних событий даже не знаю, что лучше.

С этими оптимистичными мыслями я завалилась спать, отбросив в сторону пустые страхи и тихую панику, короедом подтачивающую веру в светлое будущее. Думаю, если со мной все-таки решат расправиться в лучших вампирских традициях, то сие событие вряд ли пройдет мимо меня, а вот отдохнуть как следует совсем не помешает. Да и принять горизонтальное положение хотелось все сильнее и сильнее.

Не посчитав нужным сопротивляться такому заманчивому желанию, я завалилась на широченную кровать, здраво рассудив, что вполне могу себе позволить пострадать с максимальным комфортом. Но сон сморил меня, едва голова коснулась подушки.

А потом потянулись дни напряженного ожидания и какого-то неприятного однообразия. Меня словно собачонку два раза в день выгуливали до комнаты Вадима, где нас обильно и вкусно кормили, милостиво давали пообщаться друг с другом около двух часов, а потом конвоировали обратно.

Сопровождающим почти всегда выступал Карилен, с неизменной издевательской улыбочкой пытающийся играть роль галантного кавалера. Получалось у него, честно говоря, не очень. Этот местный зубоскал не упускал возможности подчеркнуть мою исключительную аппетитность и желание первым снять пробу со столь экзотического деликатеса. Я сначала внутренне обмирала от каждого его взгляда, в любой момент ожидая клыков в горло, но довольно быстро поняла, что этому зубастому гаду просто нравится меня пугать. Я бы даже сказала, конкретно этот вампир относился ко мне с легкой долей ироничной симпатии. По крайней мере, мне очень хотелось так думать. Да и реальных попыток продегустировать иномирную гостью веселый Карилен пока не предпринимал.

А вот парочка его товарищей, которым несколько раз выпала сомнительная честь сопровождать меня на свидание с мужем и обратно, оказалась настроенной менее... дружелюбно, что ли. Нет, они не пытались причинить мне или Вадиму какой-либо вред или куснуть ненароком в темном закоулке, но одного угрюмо-отстраненного взгляда и легкой клыкастой ухмылки было достаточно, чтобы не обольщаться. Не трогают, пока им это запрещено. А запрещено, надо полагать, до Лика Справедливых.

Знать бы еще, что за явление такое – Лик Справедливых. Местный аналог Государственной Думы? Сходняк авторитетов? Дворянское собрание? И почему приходится его так долго ждать? Неужели вампирам тоже свойственны бюрократические проволочки? Собственно, клыкастым аборигенам торопиться некуда, они живут не одну тысячу лет, а вот я уже на полном серьезе подумываю, не начать ли ставить зарубки на дверном косяке, потому что к середине второй недели нашего вынужденного пребывания в Айдаре я начала немного теряться во времени. А тут хоть какое-то подобие календаря будет. Надеюсь, вампиры не сильно расстроятся, заметив столь неординарный подход к украшению их вычурного интерьера.

Вадима же, кажется, потеря во времени не так сильно тревожила, как потеря в пространстве. Он регулярно продолжал изводить меня своими претензиями по поводу нашего несанкционированного попадания в этот «рассадник потенциальных убийц» и требованиями срочного возвращения в «родные российские пенаты». Можно подумать, я в поросычем восторге от этого межпространственного круиза с готическим уклоном. Вот только билет оказался, по закону подлости, в один конец. И сколько я ни пыталась восстановить в памяти тот злополучный день, сколько ни старалась вспомнить все свои движения, мысли и даже эмоции, открыть портал на Землю почему-то не получалось.

Порой казалось, что еще чуть-чуть, всего один взмах рукой, короткий, судорожный вдох – и воздух подернется рябью, нехотя открывая передо мной провал в сверкающую бездну. Дорогу домой. Путь в никуда. Но мне каждый раз не хватало этого самого «чуть-чуть». Была ли проблема в моем сомнении в успехе или я действительно не учитывала чего-то важного, не знаю, но факт оставался фактом – у меня ничего не получалось. Вадим же считал, что я специально его мариную в этом кошмарном вампирском соусе, так сказать, в отместку «за все то хорошее, что он для меня сделал». Я с ним даже перестала спорить на эту тему – бесполезно. Мания величия мужа вкупе с недавно приобретенной трусостью сильно переплюнули его гениальность и теперь бурно порастают сорняками заносчивости. Вадим до ужаса боялся, что я из чувства справедливого отмщения поведаю истинным хозяевам этого мира всю правду об участии пропавших вампиров. Общение с некогда самым близким и дорогим мне человеком стало изрядно тяготить. Его испорченный научными изысканиями ум «не мог обходиться без круглосуточной практической и аналитической деятельности», а «работа вхолостую» губила на корню всю его выдающуюся гениальность. Крайним, естественно, выступал один наш общий клыкастый знакомый, который, по словам Вадима, мог бы и в нашем мире сдохнуть с тем же успехом. А подставлять друзей по меньшей мере подло.

Слушать все это было выше моих сил. Я даже хотела попросить, чтобы наши свидания полностью отменили или хотя бы сократили до двух-трех в неделю, чтобы моя нервная система могла немного восстановиться от избытка негативных флюидов, но потом передумала. Если лишусь общения даже с таким ничтожеством, как мой муж, сама сойду с ума, и довольно быстро. Здесь ведь ни книг, ни телевизора, ни тем более Интернета не существует. К тому же Вадим не всегда впадал в гениальный маразм, иногда его посещали вполне приземленные, пусть и не слишком нормальные мысли.

– Светка, ты должна мне помочь! – однажды набросился на меня Вадим, едва я переступила порог его комнаты. Голубые глаза лихорадочно блестели, что мне совсем не понравилось. – Попробуй узнать, есть ли у кровососов хоть какие-то способы заморозки. Ну, портативные холодильники там, хладоагрегаты или что-то типа того, – заметив мой непонимающий взгляд, быстро пояснил муж. – Пожалуйста!

– Зачем тебе это надо? – с подозрением осведомилась я. Может, у людей в этом мире тоже безумие развиваться начинает, как у вампиров в нашем?

– Заготовки на черный день хочу сделать, тут ведь все экологически чистое, без нитратов и пестицидов, – нашелся с ответом муженек, но голос звучал настолько приторно-фальшиво, что поверить в искренность сказанного мог бы разве что полный глупец. – Сколько мы тут еще пробудем – неизвестно, а я всякие маринованные и соленые вещи сама знаешь как люблю.

– Знаю, – хмуро кивнула я. Мой благоверный действительно мог за один вечер уговорить двухлитровую банку соленых огурцов или лечо, а закатанные мной помидоры, особенно если они малюсенькие, вообще щелкал как семечки.

– Ну вот! Я хочу сам консервированием заняться, а где хранить-то? Жалко, если такая вкусятина пропадет.

– А погреб чем тебя не устраивает? Там дубняк жуткий, – предложила я свое решение мужниной проблемы.

– Не пойдет, – опечаленно отверг мою здравую идею Вадим. – Погреб наверняка общественный, а тут вон какие подозрительные личности ошиваются, разворуют ведь все.

– Ладно, я попробую.

– Умничка ты моя! – Новоявленный консерватор от избытка чувств чмокнул меня в нос. – Я в тебе нисколько не сомневался.

А вот я в нем очень сомневалась, но значения странной просьбе не придавала. Мало ли какие у гениев могут быть причуды после перехода в иной мир. У меня вот тоже свои заморочки появились.

Стремительность развивающихся событий с момента раскрытия страшной тайны профессора Назарова сначала не оставляла мне времени подумать над всем происходящим, а теперь, когда я оказалась предоставленной сама себе и каждый прожитый день не проливал свет на мое даже самое ближайшее будущее, думать было просто страшно. И больно. Больно от ощущения подлого предательства, от осознания, что столько времени сердце слепо верило тому, кто бессовестно использовал меня в достижении своей эгоистичной и тщеславной цели, от разочарования в том, кого долгие годы считала своим другом, второй половинкой, единственным, любимым...

А еще была боль невосполнимой утраты. Боль от безвозвратной потери того, кто не был врагом, но и не стал другом, от щемящей душу тоски по стремительно ворвавшемуся в мою жизнь и так же стремительно ушедшему из нее вампиру. От странного ощущения чего-то незавершенного, но навсегда потерянного. От холодного липкого ощущения одиночества. И вот от этого было по-настоящему страшно и тоскливо. По ночам не была на луну только по причине отсутствия привычного в нашем мире ночного светила как такового. Если даже оно и было, пелена густых монотонных облаков надежно закрывала его от моего тоскливого взгляда. Невольно всплыли в памяти стихи, написанные моей мамой. Я нашла тоненькую, исписанную корявыми строчками тетрадку уже после ее смерти и долго не могла поверить, что она умела так писать. Пусть немного неказисто, но очень искренне:

В сердце злая насмешка судьбы
Притаилась улыбкой смертельной,
Мне не выдержать этой борьбы
Со своею тоской беспредельной.

В сердце грусть и тревога опять,
И предчувствие часа лихого,
Но когда – мне пока не понять,
Я не знаю ответа прямого.

На вопросы раздумий моих,
Когда за полночь стрелка спешила,
В сердце странный осадок от них
Я вдруг только сейчас ощутила.

Я смотрю в пропасть синих небес
Без надежды найти там ответы,
Яркий луч вспыхнул вдруг и исчез
Глубоко-глубоко в мире где-то.

В безграничном пространстве ночном
Засыпают уставшие звезды,
Я сижу под открытым окном,

Вытирая украдкой слезы.

В сердце грусть, в сердце боль,
в сердце смерть...

В сердце то, что не видно глазами,
В сердце то, что не встретится впредь,
В сердце то, что не смоешь слезами.

И сейчас эти мамины стихи как нельзя лучше отражали мое плачевное душевное состояние....

Но вскоре страх притупился, сменившись состоянием отстраненного равнодушия. Не все ли равно, что будет со мной завтра, если я никак не смогу повлиять на ситуацию? Думаю, в живых нас тут не оставят в любом случае, вопрос – зачем так долго откладывать момент расправы? Клыкастый суд присяжных никак не придет к консенсусу, насколько один вид казни будет предпочтительнее другого в отношении таких злостных преступников, как мы? Или у них нет штатного палача и вампиры передрались за право первыми выступить в этой новой и такой интересной роли? В любом случае окончательного итога нашего с Вадимом здесь пребывания это не меняет. Поэтому остается лишь покорно сдаться на милость победителей и ждать утро своей казни, в глубине души уповая, что это будет никак не сегодня.

Зато я нашла себе оригинальное развлечение. Завела домашних питомцев. Правда, не совсем домашних, да и питомцами их назвать можно только с очень большой натяжкой, но в условиях долгих часов полной изоляции на безрыбье и рак неплохая компания... Собственно, а почему на безрыбье? Рыбок я себе и завела. Тех самых, которые так мило клацают зубками-лезвиями под моими окнами. Уж не знаю, чем кормят этих жертв генной инженерии их настоящие владельцы, но я их самым настоящим и бессовестным образом спаивала. А что? Бар в моей одноместной камере огромный, алкогольной продукции навалом, я при всем своем желании столько не выпью, а бедная женщина так много времени предоставлена сама себе. Вот и приходят в голову всякие бредовые идеи.

Сначала я вообще-то собиралась выпить в гордом одиночестве, сидя на подоконнике и глядя в неведомые дали чужого для меня мира. А потом... чисто случайно вниз глянула. Рука непроизвольно дрогнула, ножка бокала хрустнула, когда я чуть сильнее сжала хрусталь, и все мое «успокоительное» вместе с тарой отправилось в озеро. Выступившую из небольшого пореза на ладони капельку крови слизнула непроизвольно, но тут же про нее и думать забыла, застыв с открытым ртом и ошалело наблюдая, как сторожевые рыбешки прямо на лету хватают рубиновые капли вина, а потом, высунув уродливые морды из воды, смотрят на меня с затаенной надеждой. Содержимое стоявшей рядом бутылки я вылила в озеро уже автоматически. Счастью «пиранек» не было предела.

Смотреть на дерущихся за капли элитного алкоголя мутантов было забавно и как-то дико. К тому же на чешуйчатых мордах появилось такое блаженное выражение, а на меня смотрели с таким нескрываемым обожанием в водянистых глазах, что вопрос: «Кто пойдет за «Клинским?»» не вызвал никаких сомнений. Я не поленилась, сходила еще за двумя бутылками и храбро вылила в озеро обе сразу. Мне преданно замахали хвостами, умудрившись даже на такой высоте обрызгать благодетельницу с ног до головы.

Так и повелось. Когда мне было особенно муторно, то есть сразу после напряженных встреч со своим чокнутым гением, который умудрялся почти каждый раз довести меня до

белого каления, я направлялась к бару, доставала оттуда пару-тройку бутылок и шла «кормить» свою оригинальную живность. Психологи утверждают, что рыбки успокаивают...

М-да... Завела себе аквариум...

Но то самое «сегодня» все-таки настало. И как всегда неожиданно и не вовремя.

Очередное утро чужого мира встретило меня не слишком дружелюбно. В дверь бара банили так, что захотелось в ответ постучать этой самой дверью по голове тому, кто за ней стоит. Причем его физическая сила и видовая принадлежность не имели для меня на данный момент никакого значения.

Причин моей столь повышенной раздраженности было две. Первая – за окном только-только начало светать, а значит, спала я от силы пару часов, а вторая – накануне после очередного вечернего общения с мужем моя нервная система потребовала незамедлительного опустошения местного бара, при этом не удовлетворившись одной бутылкой какого-то сладкого и, судя по ощущениям, малоалкогольного ликера, а ополовинив вдогонку емкость с жидкостью покрепче, по вкусу напоминающей наш земной коньяк. Благо пить в одиночку не пришлось. Водоплавающие собутыльники с удовольствием составили мне компанию, даже сочувственно клацали зубами и качали головами, когда я начала жаловаться им на жизнь. Они бы с удовольствием и обниматься полезли, по крайней мере, плавники тянули в мою сторону очень даже многообещающе. Но на это я им категорично заявила, что мы еще слишком мало знакомы для столь тесного общения. «Пираньки» настаивать не стали и насущных вопросов типа: «Ты меня уважаешь?» – с их стороны не последовало. И на том спасибо. Препираться с пьяными рыбами мне еще не приходилось, поэтому сама не знаю, как я повела бы себя в подобной ситуации. В общем, спать легла я довольно поздно.

И вот надо такому случиться, второй раз в жизни пытаюсь напиться, и второй раз мне не дают это спокойно сделать именно вампиры. В общем, похмелье на пару с недосыпом не прибавили моей любви как к клыкастому обществу в целом, так и к отдельно взятым его представителям в частности.

Попытка спрятать голову под подушку и тем самым избавить себя, болезную, от страшной пытки внутричерепным набатом, не увенчалась успехом. Спальная принадлежность антишумовым эффектом не обладала, и отвратительные звуки хоть и стали приглушеннее, но все равно слышались довольно отчетливо. Словно по пустой деревянной бочке палкой бьют. И бочкой была моя голова, между прочим.

Стиснув зубы, я терпеливо ждала, когда злостный нарушитель моего похмельного сна уберется восвояси, но не тут-то было. Стук не прекращался ни на минуту. То ли паразиту было не свойственно чувство такта в принципе, то ли этот гад просто не знаком с абстинентным синдромом на собственной шкуре, то ли меня решили поднять с постели во что бы то ни стало.

Собственно, оправдывать того, кто стоял сейчас за дверью и так изощренно издевался над несчастной похмельной девой, я не собиралась. Прощать тоже. Осторожно, стараясь не делать резких движений, дабы не нарушить шаткий баланс в моей бедной головушке, я встала с кровати. Подождала, когда перед глазами перестанет все кружиться в безумном калейдоскопе, а желудок займет положенное ему место, закуталась в плед и двинулась к источнику психической атаки, предвкушая, как повыдергаю у дятла-стукача все, что только можно повыдергать. Но уже у самой двери меня посетила на удивление здравая мысль – я же заперта снаружи! Так какого...

Подтверждение этому умозаключению последовало незамедлительно – дверь широко распахнулась. Каким чудом я успела шарахнуться в сторону и не быть упокоенной тяжелым деревянным массивом окончательно и бесповоротно, не знаю, но голова спасительных

маневров не оценила и тут же отомстила своей нерадивой хозяйке настолько сильным приступом боли, что у меня перед глазами поплыли радужные круги.

– Мне кажется, я дал тебе достаточно времени, чтобы не только проснуться, но и одеться, – услышала я как сквозь вату неприятный мужской голос.

И это мне еще претензии предъявляют?! Наглец, однако.

– Почему ты в таком виде? – продолжал допрашивать ранний посетитель, и в его интонациях слышалось откровенное недовольство.

Мне наконец удалось сфокусировать взгляд. Первое, что я увидела, – странная ромбовидная подвеска из серебристого металла с непонятной червонной вязью по краю, украшенная двумя камнями, черным и голубым. Хм... Обычно людям белая горячка в виде чертиков или белочек приходит, а со мной вот геометрические фигуры разговаривают...

– Светлана, в чем дело?

А вот этот голос я узнала сразу. Карилен собственной персоной. Пусть вопрос из его уст прозвучал и не слишком сочувственно, зато помог мне вернуться к действительности. И на том спасибо. Получается, ко мне явилась целая делегация местных представителей клыкастого собрания.

– Оказывается, наша незваная алаканта не чужда банальных человеческих слабостей, – презрительно ответил за меня все тот же недружелюбный тип, обладатель странного ромбовидного украшения.

Я подняла на него глаза, но увидела лишь руку, занесенную для удара. Испугаться сильно не успела, просто непроизвольно зажмурилась и замерла. А потом... легкое свежее дуновение ветра коснулось моего лица. Запахло мятой и апельсинами. Головная боль загнанной птицей заметалась от виска к виску и стала постепенно утихать, вполне терпимым комком затаившись в области затылка.

Вот это я понимаю – медицина! Да этому уникаму за свои умения на Земле просто уготовано место в первой десятке журнала *Forbs* и Нобелевская премия на карманные расходы.

– Собирайся, шэйлари, время принятия решения настало, – высокомерно проинформировал клыкастый «антипохмелин» и скрестил руки на груди, давая понять, что, раз я не удосужилась проявить должное рвение раньше, то теперь он будет лично контролировать мои нехитрые сборы. Выходить из комнаты и даже элементарно отворачиваться, дожидаясь, пока «шейлари» оденется, он явно не собирался. Да и бог с ним.

Я демонстративно плюхнулась на кровать и прикурила сигарету, с прискорбием отмечая, что в пачке осталась всего пара штук. Кажется, я в очередной раз не на шутку пристыдилась к этой вредной привычке. Но успокоить нервы и хоть немного собраться с мыслями мне сейчас просто необходимо. А суд присяжных подождет немного. В конце концов, имею я право на последнее желание?

– Что это за дрянь? – недовольно поморщился Карилен, принюхиваясь к витающему по комнате табачному запаху.

– Сигарета, – честно ответила я, выпуская в потолок очередную струйку дыма, и со знанием дела добавила: – Помогает скоротать время, утолить никотиновый голод, снимает стрессовое состояние и со временем качественно убивает легкие.

Клыкастые мужчины удивленно переглянулись и снова воззрились на меня, только теперь с плохо скрываемым недоумением.

– В вашем мире принято травить самих себя? – осторожно поинтересовался крайне недружелюбный тип, на время даже забыв, что мы куда-то сильно торопимся.

– Что-то типа того.

Мне сразу вспомнились такие родные любому землянину алкоголики, наркоманы, токсикоманы и прочие любители ставить опыты над своим организмом совершенно неудобоваримой химией.

– А вообще-то курить вредно, – я под прицельными вампирскими взглядами демонстративно затушила бычок в хрустальном бокале, который изначально приспособила под пепельницу, – об этом постоянно Минздрав предупреждает.

– Кто предупреждает?

– А, забудьте. – И махнула рукой. Все равно вампирам не понять наших человеческих зависимостей, менталитет и уровень восприятия не те.

Длинную сводчатую галерею заполнял потусторонний жутковатый полумрак. Узкие стрельчатые окна, несмотря на раннее утро, пропускали света ровно столько, чтобы можно было различить лишь общие черты стоящих недалеко предметов, не перепутав при этом кресло с канделябром, а вампира с секретером. Тому, наверное, в большей степени способствовали исключительно серые оттенки, преобладающие в интерьере странного помещения. Серым было все, начиная с пола, выложенного мрамором в виде оптической иллюзии спирально закручивающейся воронки, и заканчивая тяжелыми бархатными покрывалами на тумбах, больше напоминающими погребальные саваны на урнах с прахом. Такое впечатление, что здесь не убирались уже много-много лет, а удручающая серость – вековая сакральная пыль, наложившая свой нетленный отпечаток на это мрачное, холодное и давящее на психику помещение.

Но самым пугающим был не общий вампирский антураж в готическом стиле, а густая непроглядная мгла, скрывающая противоположную сторону галереи. Там не было окон, не было факелов или других осветительных приборов, лишь чернильный клубящийся мрак. Он словно вытекал из стен, пола и потолка, шевелился, лениво ощупывая доступное ему пространство, безмолвно ворочался и терпеливо ждал законное лакомство. Лакомство из живых душ. Казалось, не хватает самой малости, одной-единственной жертвы, чтобы безжалостное чудовище, имя которому Хаос, вырвалось на свободу, сметая все на пути к единовластному господству над этим и так не слишком дружелюбным миром.

Всматриваться в это непроглядное черное марево было до дрожи в коленях неприятно и жутко. Мгла, словно чувствуя человеческий взгляд, заворачивала и манила, не торопясь выпускать неосторожную добычу из-под своего смертоносного гипнотического влияния. Что же таится в глубине этой жуткой реальности? Куда приведет она тех, кто осмелится пойти у нее на поводу?

Я с трудом оторвала взгляд от затягивающей бездны, чтобы, вопреки здравому смыслу, не поддаться искушению пойти и познакомиться с непонятной гадостью поближе. Рядом осиновым листом трясся Вадим. Утешать нерадивого мужа или делиться с ним своими впечатлениями по поводу увиденного желания не было – обстановка не располагала к обсуждению экскурсионной программы. Где мы и для чего, понятно было без всяких слов. Лик Справедливых наконец-то удосужился снизойти до решения судьбы простых смертных.

Меня, например, это в какой-то степени даже радовало – хоть что-то сдвинулось с мертвой точки. А мнение «осинового листа» не очень-то интересовало.

Вдоль стен галереи выстроились вампиры. Они уже были здесь, когда нас с мужем под клыкастым конвоем привели в этот зал суда, пыточную камеру, допросную или чем там галерея являлась на самом деле. На нас смотрели испытующе, напряженно и даже насмешливо. Еще бы. Вадим, на потеху местной элите, пытался сопротивляться, глупый. Не знаю, какая безумная надежда его укусила, должен ведь понимать: чтобы расправиться с двумя малахольными человечешками, достаточно одного-единственного не сильно голодного вампира, а тут их около сотни набралось. Бедолагам даже на укус не хватит. Да и куда бежать? Мир-то чужой. Вряд ли тут найдется много желающих предоставить политическое убежище вынужденным беженцам из параллельной реальности, особенно если эти желающие познакомятся с некоторыми пикантными подробностями нашей антивампирской биографии.

Поэтому лично я рыпаться не стала. Молча стояла и ждала кульминации сюжета. Не скажу, что спокойно (не каждый день мою участь решают таким оригинальным составом), но внешне старалась сохранять видимость отстраненного безразличия. Клыкастая братия тоже подозрительно безмолвствовала. Даже осторожных перешептываний слышно не было. Боюсь, они уже давно вынесли нам приговор и теперь пришли поглазеть на его исполнение. Вот тебе и хваленый Лик Справедливых. Обычная толпа зевак, не лишенная праздного любопытства, ничем не отличающаяся от нашего земного человечества. Разве что пищевой рацион слишком специфический и завышенного самомнения хоть отбавляй. Но тут уж ничего не поделаешь – такими их сделала природа. Или местный Создатель.

Карилен во главе с моим мрачным спасителем и еще несколькими сопровождающими сразу по прибытии поставили нас в центр мраморной напольной спирали и, убедившись, что кое-кто особенно нервный не собирается больше делать глупости, растворились в толпе. Я попыталась найти в общей серой массе хоть одно знакомое лицо, но безрезультатно. Или здесь такая оригинальная игра освещения, создающая иллюзию неузнаваемости и полной безликости, или заклинание какое наложено. У меня даже сложилось впечатление, что это местечко вообще находится не в замке, а где-то за пределами доступного нашему примитивному разуму пространства. Ощущалось оно как-то... чужеродно, что ли.

Вадим в очередной раз толкнул меня в бок.

– Светка, это действительно конец, да? – противным писклявым голосом простонал он.

– Нет, мой ненаглядный Потрошитель, не обольщайся, – кисло усмехнулась я, с каким-то извращенным любопытством наблюдая, как загадочное черное марево напротив нас заметно зашевелилось и стало еще гуще и чернее. – Боюсь, это только начало.

Тьма сгустилась настолько, что теперь больше напоминала черную дыру в пространстве и невыносимо резала глаза. Странный оптический эффект, пугающий и дезориентирующий. Очень сильно захотелось помассировать веки, чтобы избавиться от столь неприятного физического дискомфорта. Я уже молчу про психологический.

– Ты надо мной издеваешься, да? – продолжал разыгрывать мелодраму муж. И куда делась его хваленая самонадеянность? – Ты же у нас с вампирами на короткой ноге, неужели за все это время не могла договориться? Способов, что ли, мало?

– Способов много, путей исполнения не хватает, – вяло огрызнулась я. – И, сдается мне, их с каждой секундой становится все меньше и меньше...

– Это я уже заметил. Обстановка, знаешь ли, располагает. – Вадим затравленно огляделся по сторонам. Вампиры, и без того подозрительно молчаливые, притихли окончательно, а потом дружно, все как один, опустили на одно колено. – Ой, чего это они?..

И тут моя психически неуравновешенная вторая половина увидела то же, что и все, – из черного марева медленно и величественно выплыли трое. Двое, что шли по бокам и чуть впереди, были высокими, темноволосыми мужчинами в белых масках, скрывающих не только лица, но и мысли, чувства, эмоции. Одежда без вычурностей, траурно-черная, на поясе каждого – перевязь с мечом или каким-то иным холодным оружием, сразу не разобрать. Свободные, до пят черные плащи «а-ля макинтош» зловеще плескались за спинами в такт твердым, уверенным шагам. Ни много ни мало – выпускники элитной школы личных телохранителей местного разлива. Зачем только вампирам телохранители, не очень понятно, но такая «личка» очень впечатляла. Кем же должен быть тот, кого так усиленно оберегают свои от своих же сородичей? Или боятся оказий от нас, гнусных иноземных людишек? Не смешно ли? Но тут почитаемая троица окончательно вышла из клубящегося мрака, и я смогла рассмотреть центровую фигуру во всей красе. И не только я.

– Мамачки мои родные... – истеричной кошкой, которую неожиданно облили холодной водой, взвизгнул муж и проворно сиганул мне за спину.

Я же словно присосла к месту, не в силах пошевелиться.

Неспешной походкой, преисполненной собственного достоинства, к нам приближался самый настоящий... вампир-альбинос. Он, в противовес своим спутникам, был одет во все белое. Белые длинные волосы струились по спине до самого пола. Еще более бледная, чем у обычных вампиров, кожа выглядела чуть ли не прозрачной, а сеточки капилляров и крупных кровеносных сосудов выделялись на ней словно замысловатый узор татуировки. Казалось, если присмотреться внимательней, можно увидеть, как по ним бежит кровь. Из-под тонких, почти невидимых губ хищно выглядывали белоснежные острые клыки. Брови и ресницы лишь угадывались на общем фоне. А глаза... глаза жуткие, пугающие. Радужка почти сливалась с красными белками, придавая взгляду леденящее душу и одновременно завораживающее выражение. Однако весь внешний антураж местного божества, или кем он там является на самом деле, был бы неполным, если бы от него не веяло прямо-таки первобытной силой, несокрушимой мощью, самой *смертью*.

Я, словно загипнотизированная, смотрела на это приближающееся, явно потустороннее, существо, пришедшее по наши тщедушные тушки, и внутри у меня все сжималось от самых дурных предчувствий. Нет, альбинос не будет пить нашу иномирную кровь и отрубать головы одним хорошо поставленным отточенным ударом. Он просто неторопливо и со вкусом вытянет из нас все желания и надежды, все мечты и чаяния, все радости и наслаждения, вывернет наизнанку наши никому не нужные здесь жизни, а потом оставит медленно умирать еще живые, но уже такие мертвые тела. Без души. И ни один нормальный вампир даже из сострадания после этого не прикоснется к нам, ни одно животное, будучи на грани голодного обморока, не позарится на столь легкую добычу, а падальщики побрезгуют смотреть в нашу сторону. Такой жизни после смерти не пожелаешь и врагу, а друга, который захотел бы встать на пути у Лика Справедливых во имя спасения столь сомнительных личностей, как мы с Вадимом, в этом мире у нас нет.

– Ты все правильно понимаешь, шайлари, – на удивление приятным, низким голосом произнес альбинос, приближаясь ко мне почти вплотную.

Такая вынужденная близость окончательно парализовала не только мое тело, но и разум. Есть что-то мерзкое, когда тебя читают, словно раскрытую книгу, ведь у каждого свои скелеты в шкафу припрятаны. Мои, конечно, не столь оригинальны и мерзопакостны (хотелось бы в это верить), но копаться в своем белье посторонним, кем бы они ни были, хоть самой смертью, надо как-то помешать.

И я попыталась думать о чем-нибудь отвлеченном. Например, о пингвинах. Не представляю, как вообще можно не только плавать при температуре воздуха минус пятьдесят градусов по Цельсию, но элементарно выживать, да еще и обзаводиться потомством. Последнее особенно удивляло, ведь ни одно нормальное существо при таких низких температурах не сможет...

Выражение лица белобрысого, даже если он и раскусил мой нехитрый маневр, совершенно не изменилось. На меня смотрели все так же пристально, равнодушно, безучастно. Продолжения, видимо, ждет. Что ж, будет ему продолжение. И тут же представила его самого в роли одного из несчастных пингвинов, у которого инстинкт размножения безуспешно борется с неблагоприятными к данному процессу погодными условиями. Под бесцветным немигающим взглядом такие экстремальные фантазии могут стоять жизни гораздо раньше положенного срока, но отступать уже некуда, да и бесполезно.

Но альбинос если и оценил мой жестокий юмор, то виду не подал, а потом медленно перевел всепроникающие зрачки-прицелы на стоящего позади меня Вадима. Муж не преминул намертво вцепиться в мой локоть. Я непроизвольно охнула и попыталась высвободить вмиг онемевшую руку из судорожно сжатых пальцев, но не тут-то было. Горе-ученого сковал самый настоящий животный ужас, и теперь он ухватился за меня, как утопающий за единственную соломинку, не желая понимать, что эта соломинка сама попала в тот же водоворот

и скорее утянет бедолагу на дно, чем поможет выплыть. Только некоторые, кажется, уже привыкли въезжать в рай на чужом горбу и иного способа передвижения просто не представляют. Не знаю, в курсе ли клыкастые аборигены относительно антивампирской деятельности профессора Назарова, но вот, боюсь, альбинос уже прекрасно обо всем осведомлен.

Истинный энергетический вампир наконец соизволил выпустить нас из плена своих отвратительных красных глаз. Но только для того, чтобы со всеми удобствами устроиться в огромном кресле, которое взялось неизвестно откуда. Его молчаливые и такие же отстраненно-равнодушные спутники встали по обе стороны от своего господина. Я смогла немного перевести дух. Все-таки расстояние при общении с посторонними много значит, и никому не нравится, когда насильно ломают все личные барьеры, делая человека беззащитным перед любым, даже самым слабым воздействием. Судя по тому, что моя уже вконец потерявшая чувствительность рука все же обрела свободу, отозвавшись на восстановление кровотока довольно болезненным покалыванием, Вадим тоже сумел справиться с очередным приступом паники. Однако выбираться из своего «надежного» укрытия под названием «жена» не торопился. Собственно, мне было наплевать на его трусость и малодушие. Также я старалась не думать о том, что сейчас именно муж должен загораживать меня от смертельной опасности, в которую мы угодили по его же вине. И не гадать, кто первым удостоится чести стать лакомым блюдом на пиршестве этого страшного существа.

Но гадать долго не пришлось. Жуткий равнодушный взгляд снова переместился к моему лицу. Острые клыки, как верхние, так и нижние, заметно удлинились. Красные глаза еще больше налились кровью.

– Светка, я такого еще не видел, – еле слышно прохрипел мне на ухо Вадим. Видимо, посчитал, что самое худшее уже позади и можно поделиться впечатлениями. – Страсть-то какая.

Я не стала отвечать.

– Зачем ты здесь? – Голос красноглазого вампира заставил меня вздрогнуть, и я не сразу поняла, что вопрос адресован, собственно, мне.

– Вернула то, что принадлежит этому миру, – справившись со спазмом в горле, ответила я. Душой не покривила, но уверенности, что мне поверят, почти не было. Все-таки оставаться в здравом уме и думать, что говоришь, под тяжелым взглядом *таких* глаз довольно проблематично.

– Вернула ли?

Какое неприятное по своей сути уточнение. Вместо живого, пусть и изрядно потрепанного вампира родной мир принял в свои объятия всего лишь безжизненное тело. Можно ли это назвать возвращением?

– По крайней мере, попыталась, – еле слышно выдавила из себя я и виновато опустила глаза.

– А ты? – Бездонные зрачки взяли под прицел Вадима.

– Я? А... э... А что я? Я так... за компанию... – проблеял из-за моей спины иномирный Чикатило.

– Мимо проходил? – совершенно серьезно уточнил альбинос. На сарказм данная реплика не тянула по единственной причине – с таким выражением лица просто невозможно шутить.

– Угу, – усиленно закивал головой обрадованный подсказкой муж, от усердия пару раз приложившись лбом о мой затылок. Вот подлец!

Местный судья позволил себе криво усмехнуться. Зрелище не для слабонервных, надо сказать, у меня сердце в пятки ушло. Единственное проявление хоть какой-то эмоции на лице альбиноса, а ощущение такое, будто тебя сейчас живьем есть будут. Только, боюсь, мои умозаключения не так уж и далеки от истины.

– Кто из истинных взывал к Лику Справедливых? – все так же равнодушно и холодно спросил белобрысый.

Серая масса вампиров, до сего момента безмолвно наблюдавшая за разворачивающимся действием, несколько оживилась.

– Я взывал!

От левой стены в нашу сторону двинулась одинокая фигура, и в круг света неожиданно вышел Карилен. Я, конечно, не рассчитывала на его теплое участие в своей и без того богатой на всякие гадости судьбе, но и настолько изощренного издевательства тоже не ожидала. Вот и верь после этого людям. Точнее, вампирам.

Приложив правую руку к сердцу, Карилен остановился на некотором расстоянии как от нас, так и от альбиноса, и замер, превратившись в эталон смиренного ожидания. Скорее всего, что-то вроде традиционного почтительного приветствия, а ладонь, прикрывающая левую сторону груди должна означать искренность его намерений.

– Я взывал!

С правой стороны приблизился еще один, только совершенно незнакомый мне вампир. Странно, а этому-то я когда успела дорожку перебежать? Мы с ним до сего момента вообще не встречались. Излишне худощавый, ничем не примечательный кровопийца почему-то сразу вызвал во мне стойкую неприязнь.

Альбинос выдержал театральную паузу, тщательно просканировав каждого из стоящих по разные стороны от него истцов, и право отвечать первым отдал Карилену:

– На что рассчитывает клан Зварру, взывая к Лику Справедливых?

– На справедливость, – не глядя этому самому «Лику» в лицо, ответил мой хороший (или все-таки нехороший?) знакомый.

– Что ты ждешь от справедливости?

– Право выбора.

– На что рассчитывает клан Веерху, взывая к Лику Справедливых? – Тот же дежурный вопрос второму оппоненту.

– На право смерти!

И прямой совершенно бесстрашный взгляд глаза в глаза. Я вздрогнула. Вот уж поистине чьи стремления идут от чистого сердца!

– Ты знаешь, чем должен будешь заплатить за это право?

– Я уже заплатил и теперь жажду их смерти!

Вот теперь я по-настоящему испугалась. Помнится, Стефианир рассказывал мне, что одна из самых мощных энергий, которую может получить истинный вампир, – это энергия отторжения. Да-да, та самая энергия смерти, о которой с таким мстительным упоением сейчас говорит представитель клана Веерху. Чужая смерть, по своей сути, священна, и не каждый истинный вампир может принять ее колоссальную мощь без риска лишиться или разума, или уже собственной жизни. Хотя... не зря же этот неприятный тип просит право на момент нашей смерти. Жертвенные ритуалы значительно облегчают такие вещи, а если еще и сам бог помогает, то...

Судя по бессвязному нецензурному бормотанию за моей спиной, Вадим пришел примерно к такому же неутешительному выводу.

В галерее повисла еще более тягостная и жуткая, чем до этого тишина. Каждый из присутствующих затаив дыхание ждал вынесения окончательного приговора. Почему такие простые вещи, как убить кого-то или помиловать, решает приходящая из непроглядного мрака странная троица, пусть и наделенная невероятной мощью, я так до конца и не поняла, но не мной придуман этот мир, не мои правила. А вот жизнь – *моя*! И именно сейчас мне так не хотелось расставаться с ней в угоду горстке потомков легендарного графа Дракулы.

А «бледнолицый представитель» этих самых потомков тем временем обвел высокое клыкостое собрание своим фирменным ледяным взглядом и плавным легким движением поднялся с белоснежного кресла, которое тут же растаяло прямо в воздухе, словно его и не было. Безликие стражи продолжали изображать неподвижные статуи и жутко этим нервировали. Хоть бы пошевелились, а то стоят восковым караулом, как у мавзолея. Лик Справедливых жил, жив и будет жить... И атмосфера в зале самая подходящая, можно даже сказать мумифицированная.

– Стаи-и-их меис-с-с... – в полной тишине раздалось змеиное шипение, и тонкие бескровные губы коснулись моих легким равнодушным поцелуем. Поцелуем смерти.

Я даже не заметила, когда это исчадие тьмы приблизилось настолько близко. Страшные зрачки намертво приковали к себе мой взгляд, не давая возможности ни отвести взгляд, ни зажмуриться. Нос уловил еле ощутимый запах сырого дерева, такой бывает в лесу после проливного дождя.

«Решение принято», – отстраненно поняла я и почувствовала легкое головокружение. Ничего удивительного. Альбинос без труда прочитал все наши самые потаенные мысли, шерстил чувства, пробежался по эмоциям. Он прекрасно знает, кто мы и с чем пришли, знает о нас даже то, о чем мы сами можем только догадываться. Ну или почти все.

Руки и ноги стали ватными, но пока еще продолжали держать. Тело словно окуталось какой-то липкой неприятной сетью. Больно почти не было, как при лечении зуба, когда заморозка не полностью подействовала, а тебе уже удаляют наболевший нерв. Я каждой клеточкой ощущала, что вот-вот лишусь чего-то очень важного, какой-то индивидуальной и неотъемлемой части себя, без которой жизнь будет только в тягость, а смерть не скоро придет на помощь.

– Прист лиир морр! Я, Стефианир Кронест, истинный вампир рода Исскуронов, пятнадцатая династия Трея, клан Зварру, связываю смерть Светланы Николаевны Назаровой со своей! И только право выбора решит наши судьбы! – как сквозь вату донеслось до моего слуха.

– Что он делает, ненормальный?! – шелестом ветра донесся до меня обреченный стон Карилена.

– Как смеешь ты, младшая ветвь клана Зварру, оспаривать уже принятое решение Лика Справедливых?! – зло зашипел желающий получить наши души представитель клана Веерху.

Его лицо омерзительно перекошилось от ярости. Еще бы! Вожделенная награда была так близко, а тут лезут всякие выскочки, с такта сбивают. Начиная потом все сначала.

Кстати, о выскочках. Как он себя сейчас назвал?!

Я медленно повернулась, бесцеремонно отстранив альбиноса, чтобы увидеть столь неожиданного защитника, и удивленно открыла рот. В распахнутых настежь дверях, тяжело опираясь о резной косяк, стоял... Стеф собственной персоной. Еще более худой, чем раньше, бледный почти до синевы и даже на первый взгляд очень-очень слабый, он тем не менее смотрел на совершаемое в галерее правосудие (если это действие можно так вообще назвать) твердо и уверенно. А за его спиной... Нет, это уже точно галлюцинация, всюду теперь мерещится клубящаяся непроглядная живая мгла.

– Клор тишр энш! – глядя мне в глаза, четко произнес он. Не знаю, что означают эти странные рычащие слова, но единственное, на что у меня хватило сил, это с робкой улыбкой выдавить из себя:

– Ты все-таки жив, вампирка...

И позорно потерять сознание.

Пришла я в себя от какого-то монотонного неприятного гудения. Глаза открываться не хотели, и мне стоило очень больших усилий разлепить тяжелые, словно с похмелья, веки. Тело болело невероятно. А еще тошнило. Сильно.

И что со мной случилось на этот раз? Мне пересадили волосы Горгоны Медузы? Или сердце кентавра? А может, сразу неведомую зверюшку из меня сделали, эдакое ассорти в назидание некоторым? Судя по ощущениям, я недалеко от истины. Белый, ничем не примечательный потолок остался равнодушным к моим страданиям и проливать свет на происходящее вокруг не торопился.

Противный, проникающий прямо в мозг звук продолжал раздражать каждую клеточку моего не слишком здорового уже второй раз за день организма. И один бог знает, каких невероятных усилий мне стоило повернуть голову, чтобы увидеть ту пакость, которая так бессовестно ухудшала мое и без того оставляющее желать лучшего состояние.

«Пакостью» оказалась странного вида сгорбленная пухленькая старушка, примостившаяся рядом со мной на стульчике и что-то без перерыва бубнившая себе под нос. То ли заговор какой читает, то ли сама с собой беседу ведет, не поймешь. Глаза закрыты, короткие пальцы нервно теребят край старенького, но довольно чистого передника, халат в дежурный цветочек, косынка под подбородком подвязана. Ни дать ни взять – бабулька из российской глубинки на завалинке. Ей бы семечки еще.

А вот комната оказалась той самой, где до сегодняшнего дня обретался мой благоверный горе-ученый. Если я здесь и рядом это чудо в платочке, то где Вадим?

– Что со мной было? – переждав очередной приступ тошноты вкупе с головной болью, тихо спросила я.

Сиделка подпрыгнула от неожиданности и, бодро вскочив, вполне связно запричитала:

– Ничего не знаю, ни о чем не ведаю.

– А вы кто? – продолжила я допрос.

– Ничего не знаю, ни о чем не ведаю.

– Где мой муж?

– Ничего не знаю, ни о чем не ведаю.

Приплыли. И у кого тут со здоровьем на самом деле проблемы?

Старушка, продолжая без остановки повторять дежурную фразу: «Ничего не знаю, ни о чем не ведаю», – засеменила к выходу. У двери, прежде чем скрыться в коридоре, она обернулась, и только тут я обратила внимание, что взгляд у нее не совсем нормальный. Отсутствующий какой-то, словно блуждающий в иных реальностях, без единого проблеска здоровой мысли. Такой бывает у алкоголиков в последней стадии опьянения и у людей с психическими отклонениями. На алкоголичку бабка явно не тянула. А вот в том, что она человек, я даже не сомневалась. Просто чувствовала.

Размышлять над странностями вампирского окружения и над тем, что делают люди, пусть и не совсем нормальные, в логове кровопийц, не было ни сил, ни желания. Сейчас меня больше волновал вопрос собственного здоровья и еще парочка более насущных. Первый – что с Вадимом? А второй – что за ахиною нес неожиданно воскресший Стефианир на Лике Справедливых и чем мне это грозит в дальнейшем? Осталось только найти того, кто прольет свет на события, произошедшие уже после моей столь несвоевременной потери сознания.

Я осторожно повернула голову в сторону окна. Надо же немного осмотреться. И тут сердце пропустило удар, сразу заставив меня забыть о своем немощном состоянии. В самом углу, в кресле, свернувшись жалким беспомощным калачиком, лежал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.